№ 2.

БИБЛИОТЕКА „ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ“.

А. КАКТЫНЬ.

ОЧЕРКИ

ПО ОРГАНИЗАЦИИ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА.

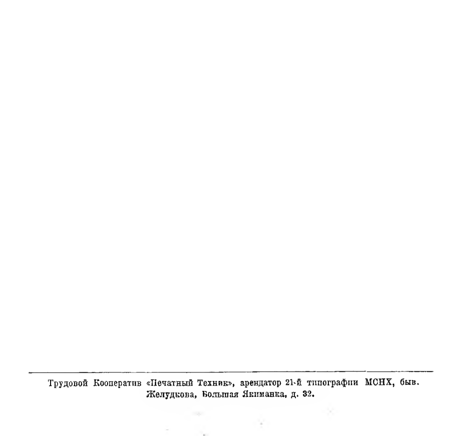
Москва. ▪ 1922.

А. Кактынь.

ОЧЕРКИ ПО ОРГАНИЗАЦИИ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА.

(Организационные наброски по вопросам строительства народного хозяйства Советской России и разработки методов управления и регулирования его).

МОСКВА—1922 г.

Трудовой Кооператив «Печатный Техник», арендатор 21-й типографии МСНХ, быв.
Желудкова, Большая Якиманка, д. 32.

Организационные наброски.

1. От мнимого плана к действительному.

При всяком повороте наблюдаются опасные уклоны от настоящей линии, ведущей все же, хотя и не прямым путем, к цели. На руководителей, также и на организаторов сложнейшей народно-хозяйственной машины, выпадает тяжелая задача удержать в такие моменты всю машину на рельсах.

Первый уклон—это стремление к повороту на все, или на почти все 180 градусов; вернее говоря, это—поворот назад, к исходной точке движения. Выражается он в целом ряде крайностей, преувеличений, в забывании основной цели, основной задачи.

Второе—это, вернее, не уклон, а упорное стремление к движению вперед, по инерции, по той же начатой линии, не считаясь с препятствиями и с реальными условиями. Сводится оно к чрезвычайному консерватизму, безрассудной прямолинейности, абстрактному теоретизированию и т. п.

При нынешием крутом повороте иашей хозяйственной машины оба эти устремления выявляются чрезвычайно ярко. Мы столь же часто видим полное забывание цели движения, как и упорное нежелание поворачивать с первоначальной прямой линии.

Особенно наглядно выявляются эти две крайности в вопросе о *хозяйственном плане*. Тогда, как одна часть наших организаторов и администраторов готова отказаться от всякого плана и тем самым повернуть назад к той анархии времен керенщины и царского режима, с которыми имеино и призвана была бороться иаша система огосударствленного хозяйства, другая часть упорно старается удержать те формы и методы составления и проведения хозяйствеиного плана, которые были нами выработаиы в течение трех лет гражданской войны, применительно к созданиым ею условиям, но которые совершенно не подходят к новым условиям экономической борьбы.

Первая часть работников сильно ошибается в оценке достижений иашей революции. Им кажется, что все нами со-

зданное и завоеванное несущественно, что все это лишь выявление внешнего принуждения, что все это лишь надстройка над оставшимся без изменения экономическом фундаменте. Единый хозяйственный план для них лишь выдумка, абстрактная схема, иллюзия, „электрофикция", как они любят выражаться про него. На деле же эти рассуждения совершенно тождественны с „доказательствами от противного" г.г. Мартовых, Абрамовичей, и прочих их единомышленников в наших советских учреждениях, сводящимися к тому, что они, дескать, то же самое предрекали еще в октябре 1917 года, и что вот ныне сами большевики это признали после того, как их тогдашние положения привели к абсурду. В их критике есть много быть может и правильного и верного, но, основная посылка в их рассуждениях в корне извращена. Эти мелкобуржуазные филистеры забывают об одном существенном моменте: о том, что ныне пролетариат допускает торговлю, конкуренцию и прочие капиталистические прелести не в положении, аналогичном 1917 г., когда все эти орудия производства и обмена оставались в руках г.г. Коноваловых, Гучковых, Рябушинских и иже с ними, а мелкая буржуазия лишь в меньшинстве имела своих соглашательских представителей в министерстве и предпарламенте, тогда как пролетариат был в загоне; напротив, сейчас он допускает эти капиталистические приемы, будучи полновластным хозяином над всей совокупностью основных орудий и факторов производства и обмена, завоеванных, удержанных и укрепленных им в течение 4 летней тягчайшей борьбы. Обладая же этим *правом собственности* на основы всего народного хозяйства, пролетариат делится им с теми мелко-буржуазными слоями населения, крестьянством в первую голову, экономический и политический союз, с которыми ему необходим для удержания и укрепления завоеванного. Оно же, это отвоеванное право собственности, дает ему полную возможность *направлять по единому плану, согласно своей разумной воле, всю хозяйственную деятельность населения.* Для такого направления хозяйственной деятельности впервые в истории создались у нас минимально необходимые условия. Пролетариат, в лице своего *советского государства,* может теперь управлять народным хозяйством сознательно, рационально, по плану, ибо он один в основном им владеет. Если рядом с ним остался мелкий собственник, то этот последний, в силу своей индивидуальной слабости, распыленности, неорганизованности, неминуемо подпадает под власть организованного единого народного хозяйства, при малейшем поднятии его. Не понимать этого—значит не понимать основного, не понимать всего значения нашей революции и ее достижений.

Но чрезвычайно сильно ошибается и другая сторона, не учитывающая всех последствий и всей серьезности делаемого

нами поворота от прежних методов управления хозяйством к новым. Тут двойная ошибка: с одной стороны, неумение понять, что допущение рынка, вольной торговли, аренды и т. д. не может не повлечь за собою и всех прочих частей и деталей капиталистической системы; с другой—преувеличение действительного значения тех методов и той системы, которые мы проводили до сих пор. Им все еще кажется, что можно найти какую-то среднюю между социализмом и капитализмом систему производства и распределения, в которой с вольной торговлей сочеталось бы плановое снабжение (подчеркиваю: снабжение, а не распределение, которое вполне мыслимо и при наличии рынка) с денежным обращением—натуральный обмен и т. д., и т. п.; им, кроме того, кажется, что отдельные, разрозненные, неувязанные между собою планы потребления остатков наших рессурсов в условиях ожесточенной гражданской войны и экономической изоляции нашей, что эти планы в их арифметической сумме уже есть та новая социалистическая система производства и распределения, о которой говорили в свое время теоретики марксизма. Они никак не хотят понять, что те разрозненные, несогласованные с нашими действительными возможностями и рессурсами производственные программы, которые составлялись нашими главками для упорядочения производственного процесса внутри данной отрасли или группы предприятий, не есть еще *план воспроизводства в его целом*. Поставленные самой жизнью перед необходимостью перестройки всего аппарата и изменения всей системы своей работы, чиновники наших совнархозов, главков, компродов, кооперативных центров, профсоюзов и др. органов, имея в то же время перед собой неотложную задачу—создать этот единый, охватывающий все наше хозяйство план, беспомощно отступают перед трудностями этой задачи и, как утопающие, цепляются за соломинку—за разрозненные, несовершенные потребительские планы прошлого периода.

Как те, так и другие одинаково далеки от действительного хозяйственного плана, путь к которому ведет не по широкой эволюционной дороге Мартовых и К⁰., но и не по прямой линии наших схематиков „военного коммунизма". А между тем, самые условия работы, обострившийся до крайних пределов экономический кризис и необходимость в новых условиях бороться с мировым капиталом его же оружием, всей силой своей заставляют нас, чем можно скорее, *приблизиться к этому действительному плану*. Лишь через него и в нем может быть воплощено сознательное, рациональное руководство нашим хозяйством, являющееся главным нашим преимуществом перед капиталом в конкурентной борьбе с ним.

Единый хозяйственный план—следующее после захвата средств производства и обмена достижение пролетариата на пути к социализму; хозяйственный план—это второй этап на

длинном пути перехода от капитализма к социализму. Если бы социализм мы строили, как это мечтали Каутский и другие теоретики, в нормальных условиях, на полном ходу промышленной машины, то переход был бы гораздо проще и короче: мы лишь развили бы те зародыши плана, которые закладываются самым капитализмом при его концентрации, в лице синдикатов и трестов, по мере развития финансового капитала и под его непосредственным влиянием. Но в условиях разрухи, войны, жестокого кризиса в мировом хозяйстве, это достигается с величайшим трудом: постоянные перебои в ходе производства разрушают создаваемые частичные планы наши, кроме того, нам все время, а особенно во время войны, приходится думать об упорядочении расходования остатков, так что нам не до воспроизводства в его целом. К нему мы подходим лишь в моменты передышки.

Таким подходом, чрезвычайно еще общим и поверхностным, но зато объемлющим почти весь процесс воспроизводства, явился разработанный в течение 1920 года план электрофикации России. Но он не в достаточной мере связан с настоящим положением хозяйства—он исходит из несколько абстрактных положений. Задача создания реального плана воспроизводства в его целом, исходя из данного положения, данного состояния наших рессурсов, нами еще не разрешена, хотя за последний операционный год Госплан довольно близко подошел к ней, составив продуманные и согласованные продовольственный и топливный планы. Но этого еще мало. Нужно учесть остальные рессурсы и факторы производства и связать, хотя бы в самой грубой форме, их между собой в *одно целое*, установив как общий план производства, так и план потребления в основных чертах [1]).

Как ни странно и парадоксально, но *новая экономическая политика*, при ее правильном проведении, не только *настойчиво требует от нас создания этого единого плана, но и значительно облегчает нам самое его составление*. Предоставляя целые отрасли хозяйства в зависимость от рыночной игры, высвобождая промышленность из-под мелочной опеки государственного аппарата, мы тем самым развязываем себе руки, освобождаем свои силы для выполнения наших задач по охвату крупного хозяйства и рациональному ведению его. Пользуясь умело силой и мощью крупной концентрированной промышленности, транспорта, банков и синдикатов, мы можем легче коммерческими, банковскими методами регулировать сельское хозяйство, мелкую промышленность и торговлю, чем

[1]) Подробнее об этом см. в нашей брошюре: „Единый хозяйственный план и единый хозяйственный Центр“ Москва, 1920 г., хотя изложение темы страдает по тому времени значительной абстрактностью и теоретичностью.

мелочной нормировкой их и административным нажимом на них. Тем самым мы получаем возможность охватить их единым планом, предусматривающим их реальную, а не воображаемую зависимость от основных регуляторов хозяйства, также, как и обратную зависимость этих последних от первых. Это тот план, который создавали в свое время великие умы буржуазных экономистов и статистиков на основании учета всех данных, но который не мог быть реализован за пределами их кабинетов, так как при невероятной взаимной борьбе различных капиталистических групп за гегемонию на рынке, не было того субъекта, который властно провел бы его. Сейчас он имеется в лице единого владельца—пролетарской государственной власти, владеющей всеми основными факторами хозяйства и выявляющей единую волю и разум в управлении ими. Остается поэтому последнее напряжение сил к преодолению разрухи и ряда препятствий, в виде отсутствия статистического учета, должных организационных форм и соответствующих сил специалистов для разрешения этой задачи.

Органами, в которых должна сосредоточиться эта важнейшая для данного момента работа, являются *СТО и Госплан.* Мы должны поэтому приложить все усилия не к упразднению их, как того хотят представители первого направления, или к консервированию их и прочих плановых органов в тех устаревших формах, которые были созданы за предыдущий период, как того хотят представители второго направления, а к преобразованию и укреплению их соответственно новым условиям и новым задачам.

II. О плановых, регулирующих и оперативных органах.

В системе наших хозяйственных органов ясно выделяются три основных типа: 1) *плановые* органы, предположительно, на основании учетных данных, разрабатывающие планы операционной деятельности отдельных наркоматов или их органов; 2) *регулирующие* органы, административными и экономическими (коммерческими) методами направляющие и изменяющие соответственно наличным условиям работу отдельных оперативных органов, систематически наблюдая и учитывая общую обстановку и общий ход работы; 3) *оперативные* органы, непосредственно руководящие исполнением самих операций производственного, распределительного, финансового или иного характера.

При „военном коммунизме“, когда все операции по производству и распределению производились соответствующими государственными органами, когда частная инициатива и ответ-

ственность не имели почти никакого места,—по крайней мере, так предполагалось, — не было особой настойчивой нужды в *строгом разграничении органов планово-регулирующих от оперативных*. В наших наркоматах и главках все эти функции выполнялись сплошь и рядом одними и теми же органами и лишь на низших иерархиях мы имели более или менее чистые оперативные органы. Ныне, при допущении свободной частной инициативы не только в области обмена, но и производства, не говоря о сельском хозяйстве, это разделение становится совершенно необходимым и неизбежным. Оперативные органы частично связываются с частным капиталом в виде концессий, покупки акций и других видов участия частного капитала в тех или иных операциях. Оставаясь даже чисто государственными, эти органы, поставленные сейчас в условия товарного хозяйства, перед рынком, лишенные полного государственного снабжения, получают, в силу необходимости, значительную свободу действий, становятся по отношению к государству в целом формально автономными его контрагентами; возлагаемая при этом на их руководителей значительно увеличенная ответственность требует в то же время предоставления им большей суммы прав и самостоятельности, которые им и даются, дабы сделать их жизненными и устойчивыми в борьбе с капиталом. Взаимоотношения между ними и государством – высшим распорядителем-собственником основных средств производства и обмена, переходят из формы *административного* воздействия в форму преимущественно *экономического* воздействия последнего через банк, синдикаты и другие подобные им органы, служащие регуляторами хозяйственного процесса при капиталистической системе. В то же время регулирующие органы, имеющие в своей работе дело не только с государственными органами, но и частно-правовыми организациями и лицами, в целях достижения полной объективности не должны сами непосредственно участвовать в тех операциях, которыми они руководят. По всем этим соображениям мы приходим к необходимости решительно *отмежевать органы планово регулирующие от оперативных.*

На практике это выявляется, например, в выделении трестов и синдикатов из СНХ-за, как высшего, так и низших, его функциональных отделов и производительных управлений в самостоятельные органы, все более и более теряющие административную связь с СНХ-зом. Переход их финансирования от сметной к банковской форме влечет за собою также и разрыв экономических связей с СНХ-зом, прикрепляя их к Госбанку или другому финансирующему органу. То же самое мы видим во взаимоотношениях между Госбанком и организующимися его филиями и НКФ-ом и теми Наркоматами и организациями, при которых состоят эти филии. В силу изменения жизненных условий, несмотря на все бюрократические препят-

ствия и консерватизм старой машины, неизбежно происходит на наших глазах перестройка всей хозяйственной организации в самых ее основах.

Попытки сохранения все еще за теми или иными регулирующими органами оперативных функций ни к чему не приводят, или, в случае упорного стремления к этому неестественному симбиозу, приводят к отмиранию у такого органа его регулирующих функций и превращению его всецело в оперативный орган, хотя и обычно весьма неудачный. Подобные метаморфозы проделывали над собой некоторые ГСНХ-зы, превратившись в целом в какой-то „синдикат трестов" или „комбинат", как некоторые из них себя называли, переведя все свои операции на коммерческий расчет. Громоздкий канцелярский аппарат сам по себе не так легко может стать гибким оперативным аппаратом; тут, кроме всего, мешала еще неуклюжесть и искусственность организационной формы. В результате—полное фиаско с печальными последствиями для экспериментаторов. Очень скептически приходится также смотреть на всякого рода синдикаты и общества со включением в них целых наркоматов, вроде НКП-р., ВСНХ, НКВТ, НКПС или их областных или губернских органов. Заранее можно предсказать безжизненность и неподвижность этих образований.

Но точно также приходится высказываться против придания тем или иным оперативным органам, напр., тому же Госбанку, или Торговому отделу ВСНХ-а или другим подобным органам планово-регулирующих функций. Эти органы, при достаточном размахе их деятельности, могут стать очень даже мощными *техническими регуляторами* хозяйственного процесса, влияя своей оперативной деятельностью на весь ход этого процесса. Но сами регулирующие органы, субъекты регулирования, должны находиться вне этих оперативных органов и извне диктовать им свою волю, свой план, свои директивы. Они могут связываться с соответствующими оперативными органами теми или иными способами, напр., через учетно-ссудный комитет банка, через собрания акционеров и т. п., но самое решение вопросов и основное их направление на деле исходит от соответствующего регулирующего органа, а не правления банка или учетно-ссудного комитета, являющихся лишь *техническими исполнителями воли государства-владельца*, согласовывая ее здесь с желаниями и интересами меньшинства—частных пайщиков, участников дела, поскольку это необходимо не только по существу, но хотя бы лишь по форме.

Менее существенно и необходимо разделение функций между первыми двумя категориями органов—плановыми и регулирующими. Вторые на основании своего опыта и своих данных, получаемых путем постоянного систематического

наблюдения за хозяйственным процессом, могут с успехом составить тот или иной частичный план по заданиям высшего планового органа; в этой части они сами явятся плановыми органами. Они же в процессе своей работы вынуждены будут подчас менять самый этот план, при том подчас весьма даже существенно. Но все же регулирующая функция здесь будет преобладать над плановой и они в силу этого останутся неизбежно в составе основного регулирующего органа, подчиняясь лишь в отношении составления плана, директивам планового центра. Это мы видим на практике в работе наших плановых комиссий при наркоматах, созданных, якобы, в качестве органов Общеплановой Комиссии (Госплана). Таковыми они являются лишь во вторую очередь, оставаясь в первую голову органами своих наркоматов, имеющих в них преобладающее влияние и нередко придающих их работе весьма субъективное направление и характер.

Вывод отсюда тот, что незачем увлекаться схемой построения этих комиссий и на них базировать всю работу Госплана.

Никакие ведомственные представители, если они будут и в большинстве, не сделают из этих органов тех объективных плановых ячеек Госплана, в качестве каковых они были задуманы. Им может быть отведена лишь подсобная роль, на них могут возлагаться лишь частичные задания. А поскольку это так, незачем их выделять как-то вне соответствующего наркомата, разбавлять фиктивными представителями ведомств (например: ВСНХ должен иметь до 7—8 членов президиума лишь для участия согласно положений в различных таких плановых комиссиях) и ставить их работу параллельно работе соответствующего наркомата и его коллегии. Последний, составляя по поручению Госплана тот или иной план, сам пригласит из других наркоматов тех, кого нужно. Объективность же их работы будет достигаться постольку, поскольку мы с этих наркоматов снимем чисто оперативные функции и прямую ответственность за их ведение перенесем на соответствующие оперативные органы, оставляя за наркоматами лишь регулирующие функции.

В то же время Госплан для проверки, пополнения, исправления, а то и переработки или самостоятельной разработки отдельных частичных планов хозяйства должен *усилить аппараты своих секций*, создаваемых соответственно основным отраслям хозяйства, так же как и *сеть своих районных и губернских органов* для проверки и разработки своих планов на местах.

Сам же Госплан, являясь высшим плановым центром, должен быть совершенно освобожден от всяких административных и вообще регулирующих функций. Они сосредоточиваются в высших хозяйственных центрах—в СТО и его мест-

ных органах, включающих в свой состав органы плановые—Госплан и его местные ячейки.

Такова общая схема наших хозяйственных органов. Для полноты ее необходимо еще разобрать вопрос о взаимоотношениях планово-регулирующих органов между собой. Об этом в следующем очерке.

III. О системе планово-регулирующих органов.

В систему планово-регулирующих органов, созданных в предыдущий период хозяйственного строительства „новая" экономическая политика вносит ряд самых существенных изменений. Это отражается как на структуре наших экономических наркоматов, так и на их взаимоотношениях между собой и с высшими регулирующими народное хозяйство центрами—СТО и Госпланом.

Причин, непосредственно вызывающих эту перестройку, кроме основных—перехода к товарному хозяйству, денежному обращению и капиталистическим методам хозяйствования—целый ряд. Это, во-первых, указанное в предыдущем очерке выделение оперативных органов из состава планово-регулирующих. Во-вторых,—создание Госбанка. В третьих,—упрощение системы продналога и намечающийся постепенный переход к денежной форме налога. В четвертых,—установление близких связей и соприкосновения с внешним рынком, вызывающее в отношении промышленности восстановление старой протекционной системы. В пятых,—отказ от большинства фиктивных монополий, с оставлением небольшого числа реальных монополий. В шестых,—замена планово-сметной системы регулирования промышленности, транспорта и обмена—системой банковской, коммерческой и т. д.

Все эти изменения уже частично осуществлены, частично же осуществляются на наших глазах. Ясно, что в наших наркоматах при этом происходят величайшие метаморфозы: целый ряд органов отмирает за полной их ненадобностью в новых условиях; на место отмирающих, появляются новые органы, быстро вырастающие из недр старых.

Характерна и весьма важна одна сторона в этом процессе. Это *перенесение главных регуляторов хозяйства из бюрократических наших канцелярий в оперативные органы*, непосредственно соприкасающиеся с живой жизнью и могущие быстро и чутко реагировать на нее. Прежде все регулирующие функции до последних мелочей сосредоточивались в громоздком, небывалых размеров, бюрократическом механизме, работа которого происходила с величайшими внутренними трениями,

мертвым ходом и т. д. Аппарат этот разросся в свое время чуть ли не до 1—1,5 милл. служащих, если верить данным ВЦСПС о количестве членов союза советских служащих. Сейчас мы этот дорогой, громоздкий аппарат сокращаем в несколько раз против прежнего, упраздняя целый ряд ненужных теперь частей нашей бюрократической машины и передавая соответствующие функции таким оперативного типа регуляторам, как банк, биржа, всякого рода сандикаты, консорциумы, общества и т.д.

Историкам в свое время придется разрешить вопрос о том, насколько правилен был вообще наш бюрократический путь перехода к социалистическим формам управления хозяйством, теоретически совершенно не совместимы с подобным бюрократизмом. Не отразились ли тут, с одной стороны, тяжелые условия гражданской войны, с другой,—разруха и кризис хозяйства, с третьей—наша отсталость и неподготовленность к социализму? И не правильнее ли воспроизводить социалистические формы регулирования хозяйства непосредственно от высших форм финансового и государственнего капитализма, изменяя лишь сущность, вкладываемую в эти формы, и возглавляя, конечно, разрозненные части капиталистического механизма единым высшим хозяйственным руководящим центром, в роде Высшего Совета Народного Хозяйства в том виде, как он нам рисовался накануне октября, от которого мы далеко отстали в годы войны под давлением голода и разрухи?

Нам сейчас ответить на эти вопросы, за недостатком перспептивы во времени, довольно трудно; однако, кажется нам, что формы периода „военного коммунизма“ очень еще далеки от форм действительно социалистических, что они сильно искажены тяжелой обстановкой гражданской войны, что на них запечатлелись наша нужда и тяжелый кризис. Недаром, при первой передышке в начале и потом в конце 1920 г., мы немедленно стали перестраивать наш хозяйственный механизм, с приближением его к тем формам, которые вырисовывались перед нами накануне октября, выростая из тогдашних зачаточных органов по регулированию хозяйства в лице Центр. Сов. Фабр.-Завод. К-тов и отчасти ВЦСПС. В итоге это стремление вылилось в создание СТО в сети экономсовещаний и в учреждение Госплана и ведомственных плановых комиссий. Однако, этих перестроек форм оказывается еще недостаточно: нужно еще видоизменить самый характер наших регуляторов хозяйства, сблизив их с оперативными органами и построив их по примеру соответствующих капиталистических органов. По всей вероятности, этот урок, который нам наглядно преподает сейчас „новая экономическая политика,“ мы и так усвоили бы, изучая свои ошибки, без перехода на новые начала в таком широком масштабе, как это мы делаем сейчас, под давлением мелкобуржуазных сил. На эти вопросы пусть ответят будущие историки.

Сейчас же перед нами стоит конкретный вопрос: как наилучше видоизменить остающиеся после выделения оперативных наши планово-регулирующие органы, чтобы они были приспособлены вполне к новым условиям работы и без лишних бюрократических трений могли успешно осуществлять ту колоссальную работу, которую на них возлагает государственное в основных своих частях хозяйство страны? Как сочетать их между собой и чем возглавить всю систему наших хозорганов?

Начнем с того нового социалистического комиссариата, который создала впервые октябрьская революция — Высшего Совета Народного Хозяйства. За последнее время установился и даже зафиксирован IV Всеросс. Съездом СНХ-зов взгляд на него, как на Комиссариат Промышленности. Надо признать, что в основном это вполне правильно. Задуманный вначале, накануне октября, весьма широко, как орган, охватывающий все народное хозяйство в целом и. в качестве такового декретированный еще в конце 1917 г., ВСНХ, с первых же практических своих шагов, оказался неспособным охватить все это хозяйство и углубился в одну лишь часть его — в промышленность, частично затрагивая и пытаясь охватить остальное. На истории развития ВСНХ и рядом с ним остальных хозяйственных наркоматов, предполагавшихся первоначально лишь в качестве его отделов, можно наглядно проследить влияние гражданской войны и усилившейся в связи с ней хозяйственной разрухи. Организационная работа уступила свое место чисто оперативной работе по удовлетворению самых неотложных военных потребностей. О новых формах некогда было и думать: приходилось просто копировать старые формы прежних министерств и уже в дальнейшем углублять их и развивать применительно к социалистической системе ведения хозяйства.

Утратив свою руководящую роль в отношении народного хозяйства в целом, ВСНХ тем не менее долго еще пытался удерживать ее путем всевозможных искусственных сцеплений с остальными наркоматами и подчинения себе тех или иных частей последних через целую сеть согласовательных междуведомственных комиссий. И только во время первой нашей передышки в начале 1920 г., нам удалось из этого хаоса комиссий создать нечто более определенное в лице СТО в центре и Совтрудармов в областях. Эти органы, в качестве комиссий СНК-ких и областных советских центров, взяли на себя общее руководство над всем хозяйством, заменив первоначально самими собой, а потом специальными планово-регулирующими органами, в виде Госплана и плановых комиссий при наркоматах, те 59, или больше междуведомственных комиссий, которые были нагромождены до того различными наркоматами. С этих пор ВСНХ и превращается все более и более в орган, регу-

лирующий одну лишь промышленность, в—Комиссариат промышленности,

Ныне, с выделением из его состава трестов и синдикатов, становящихся в экономическую зависимость, в первую голову, от банка и других финансирующих органов, эта регулирующая роль ВСНХ еще более суживается. Однако, новая экономическая политика, отнимая у ВСНХ оперативные функции, в то же время расширяет его регулирующие функции в сторону регулирования торговли и денежного обращения, в значительной его части. Таким образом, мы получаем сейчас Комиссариат Торговли и Промышленности, нечто с первого взгляда аналогичное прежнему Министерству Торговли и Промышленности. Однако, нельзя судить по одному внешнему сходству. На деле наш Комиссариат Промышленности и Торговли чрезвычайно сильно отличается от своего предшественника. В то время, как Министерство Торговли и Промышленности лишь учитывало и нормировало промышленность, преимущественно же торговлю, исходя, главным образом, из фискальных интересов государства и осуществляя покровительственную защитительную роль в отношении отечественного капитала против внешних конкурентов своих же рабочих, почти не занимаясь действительным регулированием работы отдельных синдикатов и трестов, наш ВСНХ или Косиссариат Промышленности и Торговли осуществляет в отношении промышленности роль хозяина—владельца, в области же торговли—защиту интересов этого коллективного хозяина против внешних конкурентов и внутреннего частного капитала. Он самым настойчивым образом стремится к регулированию всего процесса производства и обмена в интересах трудового народа, волю которого он осуществляет. Переход к другим более гибким и более действенным формам и методам этого регулирования в связи с новой экономической политикой, отнюдь не сокращает и не уничтожает этой его основной функции. В этом его кардинальное отличие от прежнего министерства, не смотря на то, что внешне новая структура ВСНХ во многом значительно приближается к структуре бывшего М. Т. и Пр.

На ряду с Комиссариатом Промышленности стоит аналогичный ему в новых условиях *Комиссариат Земледелия*, не претерпевающий особенно больших изменений, так как он и в период военного коммунизма преимущественно занимался не столько управлением сельским хозяйством, сколько его регулированием. Вообще между этими наркоматами разница не столько функционального, сколько предметного характера.

К этой группе должен быть отнесен и *Комиссариат Путей Сообщения*, который неизбежно должен будет выделить в самостоятельные, замкнутые в себе управления отдельные крупнейшие железные дороги и водные пути, оставив за собою регулирующую в отношении транспорта роль. Попытка упра-

влять из него всей сетью путей сообщения обречена заранее на провал [1]).

Отдельные управления жел. дор. и водных путей должны быть переведены, подобно промышленным объединениям, на коммерческий расчет, со снятием их с полного государственного снабжения; лишь при этом условии мы изживем тот невероятный бюрократизм и застой, какие мы наблюдаем сейчас в нашем транспорте. Сказанное может быть в известной мере отнесено к органу, управляющему связью, к *Комиссариату Почт и Телеграфов*.

Гораздо большим изменениям подвергается, судя по всему, группа *снабженческих комиссариатов—Наркомпрод, Наркомвнешторг, Наркомфин*. В отношении первых двух можно заранее предсказать их постепенную *ликвидацию*, по мере перехода к новым формам снабжения промышленности и населения и отмены тех в основном фактивных, но в свое время неизбежных монополий для осуществления которых создавались эти органы. Осуществление же остающихся реальных монополий, также как и проведение планового распределения в отношении отдельных групп потребителей и в пределах самого ограниченного количества предметов, перейдет к соответствующим промышленным органам и к соответствующим наркоматам, к кооперациям и т. д. Заготовительные же функции их распылятся между отдельными потребителями, которые будут осуществлять их или путем заказов промышленным объединениям, или путем закупок, как на внешнем,так и внутреннем рынках.

Функции Наркомпрода по собиранию продналога и соответствующая часть его аппарата сохранится, быть может, еще сравнительно долго, до полной замены натурального налога денежным, после чего отойдут, очевидно, к налоговому аппарату Наркомфина. Регулирующие функции НКВТ должны будут войти в состав Комиссариата Промышленности и Торговли, т.-е. ВСНХ, в виду тесной связи регулирования внешнего рынка с регулированием внутреннего и преобладающей заинтересованности в осуществлении внешних торговых операций нашей государственной промышленности.

Что же касается Наркомфина, то его роль, с изъятием из общегосударственного бюджета промышленности, а в дальнейшем, вероятно, и транспорта, сведется к распределению денежных средств между отдельными государственными потребителями (армия напр.), и планово-регулирующими госорганами

---

[1]) Когда писался этот очерк, в феврале этого года нельзя было предвидеть еще точно момента этого неизбежного выделения. Сейчас, в начале июля, мы можем отметить, что оно не только началось, но в значительной своей части уже осуществлено, хотя многое остается в этом отношении еще впереди.

и к реализации налогов, акцизных, таможенных и пр. сборов и к ведению денежного хозяйства с технической стороны. Функция же регулирования через бюджет всего народного хозяйства, также как и направление и регулирование промышленности и торговли банковским путем, через подчиненный ему Госбанк, должны быть от него отняты и переданы высшим планово-регулирующим центрам—Госплану и СТО; к последнему должен отойти и Госбанк.

Органы, регулирующие труд, обеспечивающие и охраняющие его—*Наркомтруд*, *Наркомсобез и Наркомздрав*, также сведутся с полной неизбежностью к чисто регулирующим органам, отделив от себя оперативные функции.

В результате всех этих изменений, вырисовывается перед нами следующая картина. *Во главе всего—СТО, новый наш Высший Совет Народного Хозяйства, регулирующий и направляющий все народное хозяйство в целом.* Рядом с ним, подчиненный ему чисто плановый орган—Госплан, с соответствующими своими секциями, производящий всю работу по охвату этого хозяйства единым общим планом, согласовывая между собою и увязывая частичные планы отдельных наркоматов и руководя их плановой работой.

СТО же подчинены в своей работе перечисленные выше комиссариаты; они должны все более и более сливаться в своей деятельности со СТО, превращаясь постепенно в его отделы и теряя свою самостоятельность, а также упрощая свои аппараты и переходя от коллегиальности к единоличию. Рядом с ними стоят такие регулирующие все хозяйство технические оперативные органы, как Госбанк, Центр. Биржа и т. п. органы, находящиеся в зависимости непосредственно от СТО. За этими регулирующими органами идет уже ярус чисто исполнительных оперативных органов, каковыми являются: различные тресты, синдикаты, торги, объединения предприятий, управления дорог, строительные управления и т. д., и т. п.

Система эта пока набросана в самых грубых чертах. Необходима значительная детализация отдельных ее частей, также и установление системы местных органов по управлению хозяйством. Об этом в дальнейших очерках, по мере разбора функций этих органов и методов их выполнения.

IV. О СТО и Госплане.

Не говоря уже о более отдаленных формах развития наших высших планово-регулирующих центров—СТО и Госплана, мы должны отметить уже теперь некоторые дефекты в строении их аппарата, которые мешают им полностью развить свою работу и дать максимум полезного действия.

Во-первых, самый состав СТО. В нем слишком сильно преобладает ведомственный момент. Вне зависимости от величины и важности того или иного наркомата, нарком, стоящий во главе его, имеет все равно лишь один голос. А между тем, СТО решает вопросы на своих пленарных заседаниях отнюдь не только в порядке согласования интересов ведомств, но и в порядке суждения по ряду общепринципиальных вопросов. Нельзя равнять НКВТ, равный по объему своей работы одному из крупных отделов ВСНХ, наприм., ЦУС'у, целому ВСНХ. То же относится и к НКПС, немногим разве превышающему по своему объему какой-нибудь Главтоп, по значению же своему во всем хозяйственном процессе опять таки не равному всему удельному весу ВСНХ. Наркомпрод и Наркомтруд, также и Наркомфин при сокращающихся своих аппаратах еще в меньшей мере выдерживают это сравнение. А между тем, все они имеют при решениях одинаковый удельный вес и участвуют в них, именно, как ведомства, поскольку не проводится строго персональный момент в представлении прав.. голоса. Отступление от этого допущено в отношении Главтопа, в лице которого ВСНХ получает второй голос. Нам бы казалось, что отдельный голос надо бы предоставить также и Центр. Управлен. Снабжения и Торговли, как органу, имеющему в ближайшем будущем руководить значительной, а то и преобладающей частью торговли. Следовало бы сюда включить также и Председателя Правления Госбанка. Указываемые положения являются пока лишь паллиативами: вопрос сводится к коренному пересмотру состава СТО, с усилением в нем персонального момента в противовес узко ведомственному.

Кроме того необходимо создать из двух-трех наиболее авторитетных, персонально подобранных товарищей деловое бюро или Малый Президиум СТО, который, перманентно заседая и связываясь с соответствующими ведомствами, решал бы частично на ходу, частично после некоторой подготовки в секретариате, неотложнейшие вопросы текущего порядка. Такой президиум из, примерно, председателя СТО и двух его постоянно работающих в СТО помощников дал бы возможность более гибкой организационной формой заменить те громоздкие распорядительные заседания, которые происходят сейчас и далеко не достигают цели, задерживая лишь прохождение самых срочных дел. Мало того, свобода внесения ведомствами на самые эти заседания ряда вопросов сверх повестки, а то и без всякой повестки, как это практикуется в некоторых обл. ЭКОСО, дают лишь возможность им перенести с себя ответственность за некоторые свои начинания на высший орган, поскольку он, рассмотрев дело, выносит по нему свое решение. Эту нежелательную сторону надо отметить также и в отношении некоторых постановлений не только распорядительного, но и пленарного заседания СТО.

Во-вторую очередь выдвигается неотложный вопрос о создании при СТО своего делового аппарата. Необходим не только свой постоянный секретариат и управление делами для подготовки и дальнейшего продвижения дел и систематического наблюдения за их исполнением, но и свой аппарат в связи с местными экон. совещаниями. Создав себе целую сеть таких органов, СТО не может обойтись бес систематического учета их работы и дачи им руководящих директив и инструкций в их работе. До сих пор это делается случайно, без достаточного учета их работы. Значительно нужно усилить печатную связь с этими органами, издавая, кроме своей газеты, еще и официальные бюллетени СТО, так же как отчеты и обзоры работы самого СТО и его местных органов. Контрольно-наблюдательные и инспекционные функции СТО могут быть возложены на Рабкрин, так же как организационно-инструкторские в части, требующей согласования со всем советским строительством, на Наркомвнудел. Однако, в органе связи СТО должны быть соответствующие инициативные ячейки, проводящие часть работы самостоятельно, часть через упомянутые органы, проявляя в отношении последних свою инициативу, давая им задания и т. д.

Планирующим органом СТО, естественно, стал и должен оставаться Госплан. Но и он требует известной реорганизации своего аппарата, о чем частично мы уже говорили в предыдущих очерках. Не говоря о мертвом по существу пленуме Госплана, который однако, без ущерба делу может быть сохранен и даже восстановлен для дачи от поры до времени общих принципиальных директив всему составу Госплана, мы должны высказаться против всякой ведомственеоости в его постоянно работающем органе, в Президиуме. Формально ее не существует и президиум подобран персонально, но частично она все же имеется. В целях достижения величайшей объективности, какую должен иметь этот высший законосовещательный и плановый орган СТО, необходимо этот подбор сделать так, чтобы ведомственность эта была совершенно устранена. Это будет вполне достигнуто, вероятно, лишь с упразднением ведомственных плановых комиссий, о ненужности и бесполезности которых мы уже говорили в предыдущем очерке и перенесением главной деловой работы в секции Госплана, с возглавлением их членами его Президиума. Кроме того, необходимо указать на громоздкость состава Президиума Госплана в настоящем его виде. Количественно его необходимо сократить чел. до 7—9, не более. Для проведения текущих дел и здесь необходим свой Малый Президиум.

Взаимоотношения Госплана с ведомствами должны быть построены не на основе постоянного представительства этих последних в Госплане, а на началах прямого подчинения их

Госплану в частности их плановых аппаратов и функций. Они должны свою планирующую работу вести в точном соответствии с директивами и требованиями Госплана, а также привлекаться, в лице своих представителей, в те или иные секции и комиссии Госплана, но с совещательным, а не решающим голосом. Парламентский метод в работе планирующих органов совершенно не нужен и неуместен.

Зато решительно приходится возражать против нагрузки Госплана всякого рода чисто регулирующими функциями, касающимися уже выполнения тех или иных хозяйственных планов, вроде распределения и отпуска, материальных рессурсов всякого вида (некоторые из распределительных функций бывшей Комиссии Использования, уцелевшие еще по тем или иным причинам и переданные Госплану). Всякие такие регулирующие функции должны выполняться соответствующими Наркоматами, в крайнем случае, временно создаваемыми комиссиями СТО. Госплан должен, в целях достижения единства и систематичности в его работе, сохранить за собою лишь функции плановые; в противном случае он выродится в расплывчатый хаотический орган, куда будут ходить все и за всем, не находя в то же время полного удовлетворения; ибо заменить собою все ведомства по части знания практики дела и осведомленности о ходе работы оперативных органов, Госплан, конечно, не может.

Впрочем, из только что сказанного не следует делать вывода, что Госплан вообще не должен интересоваться практикой дела и работой оперативных органов. Наоборот, он в лице своих специалистов, должен участвовать во всяких комиссиях по обследованию и изучению работы тех или иных оперативных органов; мало того, он может и должен предпринимать самостоятельно целые статистико-экономические обследования и ставить систематическое статистическое наблюдение за известными операциями и явлениями, пользуясь при этом всем аппаратом ЦСУ. К нему же из соответствующих органов СТО и наркоматов должна поступать в систематизированном и даже отчасти в сыром виде вся отчетность.

В заключение, отметим крайнюю необходимость укрепления и развития сети местных органов Госплана, вплоть до губернских, в наиболее экономически развитых губерниях. Лишь опираясь на областные (районные) плановые центры и губпланы, как первичные свои ячейки, Госплан сумеет своей работе придать соответствующую реальность и практичность, вместо той теоретической абстрактности, какая господствует у нас во всех подобного рода плановых органах.

V. О методах регулирования хозяйства вообще.

Новая экономическая политика выдвигает в противовес прежним, преимущественно *административным* методам регулирования (управления) хозяйства, методы *экономические*, испытанные на опыте финансового капитала в передовых капиталистических странах. Это положение как будто бы общепризнано и усвоено. Но далеко еще не ясен ответ на вопрос, в чем же, собственно, эти методы состоят и как их применять в наших своеобразных условиях. Эту проблему соответствующим нашим органам следовало бы поставить более широко. В настоящем очерке мы попытаемся лишь подойти к этому вопросу.

Первым делом напрашивается вопрос, можно ли даже противопоставлять эти методы так, как мы это только что сделали. Полагаем, что это противопоставление вполне возможно и естественно. Период „военного коммунизма" был по существу периодом *принудительного военно-потребительского регулирования хозяйства, осажденной со всех сторон и блокированной страны*, изнуренной к тому же до крайних пределов предшествовавшей империалистической войной. К этим методам регулирования прибегал и капитал в соответствующей обстановке, как, напр., во Франции и особенно в Германии, где во время войны существовала чрезвычайно характерная система так называемого „государственного капитализма", доходившая до принудительной монополии государства в отношении сырья и топлива так же, как и основных жизненных продуктов, доведенная, в конце концов, до подлинной трудовой повинности в отношении трудовых элементов населения. Карточная система в распределении продуктов, плановое снабжение промышленности и прочие практические приемы, проводившиеся потом нами в аналогичных условиях, применявшиеся частично еще царским и временным правительствами, отнюдь не являются чем-то совершенно новым, социалистическим или коммунистическим по существу; прототипом их были военно-потребительские методы регулирования хозяйства в Германии еще в 1915—1916 гг., доведенные с чисто-немецкой аккуратностью и последовательностью до наивысших ступеней совершенства. Другое дело, если они у нас совпали с действительно коммунистическими мероприятиями по части огосударствления всех основных средств производства и обмена, целесообразной перегруппировки их и новой рационально-планомерной организации всего процесса воспроизводства. Однако, в других условиях эти основные начала коммунизма могли бы закладываться и без этих принудительно нормирующих производство и обмен мероприятий.

Переход сейчас, после окончания гражданской войны и возобновления экономических связей с внешним миром, на новые хозяйственные рельсы тем и характерен, что отбрасывает, как ненужные сейчас и даже вредные, не соответствующие мирным условиям работы, некоторые характерные методы „военного коммунизма", в то же время отнюдь не отбрасывая самой сущности наших действительных экономических завоеваний за этот период в борьбе с капиталом. Конечно, новый курс в нашей экономической политике отнюдь не исчерпывается одной этой переменой методов регулирования хозяйства; в нем заключается, кроме того, еще ряд крайне существенных уступок мелкой буржуазии, главным образом, крестьянству, но даже, если бы мы не были к ним вынуждены задержкой революции на Западе и нашей отсталостью, то, и тогда, с переходом на мирную обстановку, мы изменили бы наши методы ведения хозяйства. Вот почему противопоставление новых методов экономического воздействия методам административно-принудительного порядка вполне возможности соответствует действительности.

В чем же состоят эти новые методы? На это отвечают уже отчасти самые определения их: экономические, коммерческие, банковские и т. п. Суть дела в том, что отныне мы *регулирование хозяйства предполагаем вести соответственно его действительному состоянию, его возможностям и ресурсам*, так же, как и общим коэффициентам и нормам полезного действия механизмов, потребления энергии и рабочей силы на единицу продукции и т. д., и т. п. В прежней обстановке мы не могли над этим сильно задумываться: война требовала своего, хотя бы для этого приходилось насильственно выжимать последние соки и возможности из разрушенных механизмов наших фабрик, заводов, нашего транспорта и сельского хозяйства так же, как и изнуренных до последней степени организмов рабочих и крестьян. *Война вообще есть процесс отрицательного воспроизводства или недопроизводства*, где непроизводительное потребление превышает размеры текущего производства и происходит поэтому за счет накопленных запасов. В новых условиях, с переходом к систематическому восстановлению хозяйства, с переходом к более или менее нормальным условиям работы, мы все эти насильственные меры в отношении хозяйства должны заменить системой планомерно и рационально подобранных мероприятий по постепенному оздоровлению и восстановлению этого разрушенного хозяйства и *переходу от отрицательного к положительному воспроизводству*. Этого то именно не понимают все те, кто с небывалым упорством и достойной лучшего применения настойчивостью отстаивают для новых условий работы старые военно-потребительские, карточно-плановые методы регулирования. Тут мы имеем или застывшую чиновничью рутину, или атро-

фию мысли, или невероятную инерцию налаженного аппарата, но никак не жизненный подход к делу.

Но, скажут нам, почему не применять в новых условиях все же социалистических, хотя и видоизменных методов регулирования, сводящихся к твердому проведению общего плана производства и распределения, к ряду монополий на основные предметы потребления, к системе государственного снабжения сельского хозяйства путем прямого продуктообмена между городом и деревней, вместо товарообмена и денежного обращения и т. д.; почему вместо этого мы переходим к чисто капиталистическим методам регулирования хозяйства, через банки, биржи, синдикаты и проч., путем их воздействия на рынок и т. д.? Вот тут-то, с тем естественным изменением методов регулирования, которые вытекают из перехода на мирные рельсы, складывается второе, навязанное нам, изменение методов, происходящее от тех экономических уступок, которые мы вынуждены были по известным причинам сделать крестьянству и мелко-собственнической стихии; они все вытекают с логической неизбежностью из *признания рынка*, как такового, и отказаться от них, признав и допустив этот рынок в качестве связи города с деревней, мы никак не можем.

Но, делая эти уступки, мы в то же время в максимально возможной мере стремимся сохранить те преимущества, которые дают нам наши завоевания в экономической области, о которых мы подробнее говорили в первом очерке. Вот почему мы видоизменяем методы регулирования хозяйства из прежних административно-принудительных не только в экономически-принудительные, но, вдобавок к тому, еще и капиталистические, коммерчески-финансовые, однако, при сохранении общего хозяйственного плана. Лишь эти методы при создавшихся условиях наиболее применены и единственно реальны и действительны. Всякие иные методы не дадут реального эффекта и воздействия на нашу экономику.

Установив это основное положение, мы можем легко установить и самые эти методы, взяв за пример формы и методы регулирования хозяйства финансовым капиталом в наиболее развитых его формах. Однако, их придется брать не в чистом виде, а соответствующим образом сочетать с методами установления и проведения общего хозяйственного плана. Детализацией этих методов и согласованием с методами планирования займемся в следующем очерке.

VI. О новых методах регулирования хозяйства.

Попытаемся теперь более детально остановиться на новых, преимущественно экономических методах регулирования хозяйства, отмечая попутно главные их отличия старых методов.

Резче и ярче всего эти отличия сказываются в области *распределения материальных и денежных рессурсов*, как в отношении промышленности и сельского хозяйства, так и прочих непосредственно не производящих ценностей потребителей (армия, государственный аппарат, транспорт, связь, аппарат обмена и т.д.). Другими словами, сильнее всего это заметно на регулировании процесса *потребления* ценностей. Но так как потребление есть лишь часть или фаза в общем процессе *воспроизводства*, то уже заранее можно сказать, что изменение методов регулирования в этой части отразится и на другой—на самом процессе *производства*.

В капиталистическом хозяйстве, по крайней мере, на достигнутых пока ступенях его развития, нет сознательного регулирования хозяйственного процесса в целом, а также и процесса распределения, в частности. Регулируется он стихийными силами на основе общих законов экономики. Несмотря на достижение отдельными группами капиталистов громадного влияния через консорциумы банков, синдикаты, тресты и т. д. на рынок и через него на производство и распределение материальных денег, продуманной системы действий в отношении всего хозяйства мы в их работе не замечаем. Объясняется это, во-первых тем, что они борются еще со своими внутренними и внешними конкурентами за полное обладание внутренними и внешними рынками в порядке обычной рыночной конкуренции; во-вторых, тем, что исходят они исключительно из соображений выгоды отдельных личностей или групп их. Они с одинаковым успехом в своих личных корыстных целях могут допусить уничтожение массы ценностей и перепроизводства их, как и недопроизводства самых основных предметов потребления

Попытки отдельных государств во время войны примирить эти групповые интересы и подчинить их единой воле обороняющегося от врага государства не вполне приводили к цели и, во всяком случае, сводились преимущественно к методам голого административного принуждения, вроде принудительных заказов, принудительных объединений, искусственных государственных монополий и т. п.—методов, кстати сказать, использованных нами в широкой мере в период „военного коммунизма“.

Однако, Советская власть, кроме подражания этим военным методам, сделала в этом отношении серьезный шаг вперед по направлению уже к подлинному коммунизму, это—*огосударствление основных орудий производства и обмена.* Став полным владельцем всех основных факторов хозяйства, в том числе и земли, недр и т. д., советское государство могло впервые внести разум и единую сознательную волю в регулирование хозяйства. Если первоначально, пока еще только шел процесс охвата национализируемых факторов и средств производства и обмена, отбора из них наиболее ценных и технических пригодных и их группировки, если в период блокады и экономической политики, Советская власть прибегает к упрощенным методам военного социализма, то в дальнейшем, с восстановлением нормальных связей и условий работы и окончанием вчерне процесса охвата и перегруппировки всего национализированного, она все более и более углубляет методы своего рационального, планомерного воздействия на хозяйство, переходя все более и более от методов чисто административных к методам преимущественно экономическим.

Вынужденный уступками крестьянству отход наш на другие позиции, однако без уступки основных завоеваний, мог лишь ускорить этот переход и видоизменить самые методы регулирования под давлением восстанавливающихся товарных отношений; но не в нем одном причина перехода к этим новым методам.

Методы *распределения*, к которым мы сейчас переходим, сводятся *к коммерческому и финансовому воздействию на рыночную стихию и проходящую через рынок массу товаров с сообщением им желательного для нас направления.* Изучая, охватывая и регулируя этот рынок через биржу и банк и непосредственно воздействуя на него, путем ли кредитования желательных нам операций и переброски крупных финансовых средств в нужные места, в целях понижения или повышения цен, путем ли задержки или ускорения движения товаров через государственные синдикаты и тресты, а также смешанные общества с преобладающим в них государственным акционерным капиталом,—мы, при известных оборотных возможностях и средствах и достаточной гибкости нашего коммерческого аппарата, можем вполне регулировать этот рынок соответственно общему нашему хозяйственному плану. Еще большего мы достигнем при повышении мощности нашей крупной государственной промышленности и сосредоточения в своих руках ее продукции: это даст государству фактическую монополию на ряд основных средств потребления. А посредством этих монополий, реальных, а не фиктивных, как большинство существующих сейчас у нас монополий, мы можем сосредоточить в своих руках, путем широко организованных закупок, также и основные товары сельскохозяйственного и вообще мелкопромышленного происхождения.

Сосредоточивая же в своих руках, в распоряжении, скажем, того же Государственного Банка, основные материальные рессурсы, мы можем уже давать им дальнейшее назначение соответственно нашему желанию, нашим намерениям, нашему плану, а не требованиям стихии рынка. Мы можем делать то, что сознательно делало правление крупного банковского консорциума внутри той группы синдикатов, трестов и отдельных промышленных единиц, которые ему фактически были в силу экономической от него зависимости подчинены: давать им материальные и финансовые средства соответственно своим общим намерениям и целям, ясно сознаваемым и, определяемым выгодой всего целого, хотя бы в ущерб интересам отдельных частей этого целого. А мы знаем из опыта, что крупный финансовый капитал достигал в этом отношении, в смысле рациональности и планомерности постановки дела, весьма крупных результатов, приспосабливая такой экономический конгломерат к борьбе за общие интересы на широкой рыночной арене. Дело доходило до того, что подобные объединения выходили даже за пределы отдельных капиталистических государств и принимали мировой международный характер (напр., транспортные синдикаты).

Наше отличие от них и наше преимущество перед ними заключаются в том, что в то время, как они могли своей организацией охватить лишь небольшой территориальный район (комбинации вертикального порядка и смешанные) или отдельные, сравнительно еще узкие отрасли или области хозяйства (горизонтальная комбинация), мы имеем возможность реально охватить и связать в одно целое все отрасли и области нашего народного хозяйства на пространстве одной шестой части земного шара, при колоссальных потенциальных рессурсах и силах. Это и соответствует той ступени капиталистического развития, на которой мы, при нашем отступлении, стараемся удержаться и пока удерживаемся—*государственному капитализму*, являющемуся следующей за финансовым капиталистом стадией развития, усваивающему от последнего его меры воздействия, с распространением их на всю экономику данного государственного образования. Поэтому мы, действуя в силу создавшихся условий теми же методами финансового капитала в их чистом почти виде, можем достигнуть при прочих разных условиях гораздо больших результатов благодаря рационализации всего хозяйственного процесса. И этим же путем, без лишних административных воздействий на это хозяйство, мы можем достигнуть на деле более полного осуществления и проведения единого хозяйственного плана, чем методами „военного коммунизма“, т. е. административно-принудительными.

Маневрируя указанными способами материальными рессурсами, мы регулируем не только процесс потребления, но через

него и *процесс производства*, ибо мы этим самым путем регулируем в желательном нам порядке согласно нашему плану, снабжение не только государственной, но и частной и сельско-хозяйственной промышленности. При наличии полного и точного учета всех экономических процессов через развитой и хорошо поставленный статистический аппарат, мы можем достигнуть в этом маневрировании большой точности и гибкости. Конечно, эта точность в деталях далеко не достигает той аптекарской точности, которая достигалась при составлении наших производственных программ и планов использования материальных рессурсов, но зато выполнение этих планов гораздо ближе сойдется с предположениями, чем это было при выполнении программ и планов периода „военного коммунизма“. Коммерческий, банковский аппарат, приспособленный к подобному маневрированию в более узких пределах за долгий период развития капитализма, окажется в этом отношении безусловно более способным, чем громоздкий бюрократический аппарат прежних наших главков и комиссий использования, вертевший всеми своими колесами, но плохо задевавший ими экономическую стихию.

Организационно это может быть достигнуто путем непосредственного связывания наших планово-регулирующих органов с оперативными, в целях направления первыми работы вторых. Об этом мы уже говорили в предыдущих очерках.

Во избежание недоразумений, мы должны в заключение определенно подчеркнуть, что к этим методам *государственного капитализма* мы переходим лишь в силу давления на нас мелко-буржуазной стихии, вследствие организаторской слабости нашего пролетариата, общей отсталости страны и постигших наше хозяйство разрухи и неурожая. Мало того, анархия, вносимая в хозяйство мелко-собственническими силами, мешает закреплению за нами и этих позиций, и нам на переходное время, до восстановления и укрепления крупной промышленности, до восстановления экономического господства промышленности города над сельским хозяйством, до усиления наших оборотных средств и оздоровления финансов, придется в значительной мере еще добиваться планомерности и целесообразности работы нашего хозяйственного механизма административными методами предыдущего периода, в смягченном лишь виде. Нам важно было дать тут тенденцию развития и видоизменения наших методов регулирования, указав те формы, к которым мы можем приблизиться в нашей экономически отсталой, крестьянской по преимуществу, стране.

В то же время мы оговариваемся, что система регулирования хозяйства прежнего периода имела в себе, безусловно, ряд зачатков будущих коммунистических форм и методов регулирования. Если они у нас приняли бюрократически извращенный до крайности вид, то причиной этому являются та же

отсталость, кризис, слабость наших организаторских сил и т. п. Однако, совершенно ошибочно было бы думать, что эволюция этих форм и методов ведет нас непременно обратно к формам и методам капиталистическим. К ним нас привели отмеченные выше непреодолимые причины. В высоко индустриальной стране, в нормальных условиях, высоко развитый пролетариат эволюционировал бы в отношении этих форм и методов в прямо противоположном направлении, придавая им вид, который мы можем лишь теоретически предполагать, но не описывать на основании опытных данных. Ясно и бесспорно лишь, по нашему, одно—это то, что от грубых административных форм, свойственных военной обстановке, эта эволюция шла бы в сторону экономических по преимуществу видоизменений их. Это получилось на деле и у нас. Совпадение же этой эволюции с переходом на новые экономические позиции отнюдь не должно приводить нас к выводу, что эти экономические формы и методы регулирования хозяйства свойственны лишь капитализму и что социализм, как это любят разрисовывать наши противники (см. напр., брошюру П. Струве „Итоги и существо коммунистического хозяйства", Берлин, 1921 г.), может производить это регулирование лишь самым грубым административно-бюрократическим способом, подавляя всякую частную инициативу и т. д. Такое мнение было бы величайшим заблуждением или тенденциозной подменой настоящего развитого социализма первыми грубыми, неразвитыми, извращенными войной зачатками его.

VII. Об организации кредита.

Восстановление торговли, как формы обмена не только между промышленностью и сельским хозяйством, но и внутри огосударствленной промышленности, между различными отраслями и группами ее, влечет за собою восстановление денежного обращения. Потерявший-было всякое значение, как средство обмена, денежный рубль, несмотря на крайнее свое обесценение, приобретает вновь эти свои свойства. Поскольку вообще от системы централизованного снабжения мы вынуждены были отказаться, хотя бы даже в одной части всего хозяйственного целого, постольку в полной мере восстанавливается денежная система обмена путем купли-продажи. Более примитивные формы непосредственного натурального товарообмена могли иметь место лишь на небольшой срок; удержаться же, при наличии сравнительно развитых хозяйственных форм (а у нас в России, несмотря на наличие самых отсталых и примитивных форм хозяйства, имеются также и наиболее

развитые капиталистические формы—наша крупная промышленность, транспорт, кооперация и др.) они, конечно, не смогли.

При существовании же товарно-денежной системы обмена, естественно, восстанавливается регулирующая роль *кредита* во всем хозяйственном процессе. Лишь сосредоточив в своих руках финансовые средства и свободно маневрируя ими, мы тем самым будем маневрировать соответствующими товарными массами. Тут полностью скажутся все преимущества концентрированного финансового капитала перед мелким торговым капиталом и малоподвижным промышленным. Быстрота оборота, гибкое приспособление к нуждам промышленности и торговли, скорость маневрирования—все это обеспечивает держателю его действительное *командное положение* над всем хозяйством. Путем гибких кредитных операций он сможет, по своему желанию, направлять всю хозяйственную деятельность, особенно же, если в его же руках будут находиться вся крупная промышленность и транспорт. Пользуясь орудием кредита, Советское государство обеспечит себе наилучшее и полнейшее осуществление своих хозяйственных планов, притом в формах более свойственных, более отвечающих современной степени развития нашего хозяйства. Система планового снабжения этого сделать не могла, главным образом и именно потому, что она по самой своей сути не в силах была охватить мелкого, частно-собственнического сельского хозяйства и кустарно-ремесленных форм промышленности. Финансовый капитал в странах Запада показал, что он в силах не только подчинить себе эти отсталые формы, но и ускоренным образом их концентрировать, используя при этом также и кооперацию. Особенно же облегчается ему эта роль, если высшие формы финансового капитала возглавляются единой волей государства и тем самым устраняется окончательно между ними конкуренция и создаваемая ею анархия. Государство же в лице развитых кредитных органов приобретает себе наиболее экономически мощное, устойчивое и подвижное в то же время состояние, заключающее в себе все данные к превращению его в нераздельного властелина-монополиста на рынке.

Однако, для плодотворного действия финансового капитала необходим ряд условий—это, первым делом, *устойчивость денежной единицы*, обусловливаемая наличием крупных материальных рессурсов и быстрым их оборотом; для того же требуется *гибкий, разветвленный аппарат* банков, кредитных товариществ и обществ, бирж и т. п., для этого требуется, наконец, *наличие высших форм организации промышленного и торгового капитала*,—синдикатов, трестов, торговых обществ, кооперации и т. д.

Всего этого в данный момент у нас не имеется или имеется оно еще в зачаточных формах. Будет же оно восстанавливаться лишь постепенно по мере восстановления нашего

хозяйства, нового накопления материальных рессурсов, дальнейшего развития наших организационных форм.

Так как создание устойчивой денежной единицы, при общей послевоенной финансовой лихорадке,—чрезвычайно трудная задача, могущая быть успешно разрешенной лишь при упрочении и восстановлении нашего хозяйства и очень мало зависящая от ряда искусственных деноминаций, попыток курсования рубля и т. п. внешних воздействий на финансы, то центр тяжести работы в области непосредственного восстановления и оживления кредита приходится на ближайшее время невольно переносить в *организационную область*. Сюда относится организация более высоких и развитых форм объединения и концентрации промышленности и торговли — трестов, синдикатов, смешанных обществ и т. п.—и самого кредитного аппарата—*банков*. Более совершенные и развитые формы организации торговли, производства и кредита дадут более быстрый и в то же время более мощный оборот тех ценностей, которые у нас имеются, а вместе с тем, ускорение процесса воспроизводства ценностей в сторону расширения исходной экономической базы и увеличения наличной суммы материальных благ. В то же время более гибкие формы привлекут к участию в наших производственных и торгово-финансовых операциях частный капитал, особенно иностранный, что, в свою очередь, усилит и ускорит замедлившийся до крайности оборот товаров и денег и в результате упрочит нашу денежную систему.

Касаясь в первую голову кредитных органов, необходимо выдвинуть в качестве ближайших организационных задач, стоящих сейчас перед нами,—*разветвление* основного финансового ядра—*Госбанка*—на ряд филиальных банков, *приспособление* этих последних к непосредственным нуждам отдельных важнейших подразделений хозяйства, как-то: торговля, промышленность, сельское хозяйство, кооперация, коммунальное хозяйство и др., *упрощение* этих органов и приближение их к потребителю, с изживанием в них всяких остатков старой казенщины, неподвижности, формальности, рутины. Лишь при этих условиях банк приобретет себе клиента в широких слоях населения, сумеет сосредоточить в своих кассах массовые вклады и дать необходимый оборот сосредоточенным в его руках финансовым и материальным средствам. Нужда в кредите в данный момент настолько остро чувствуется всеми нашими хозяйственными органами, а также частными торговцами, промышленниками и кооперацией, что уже повсюду, даже в наших же высших государственных органах, проводящих чисто-бюджетное финансирование, начинают зарождаться полулегальные или совершенно нелегальные кредитные органы, пускающие в ход под проценты имеющиеся у них средства, принимающие вклады, открывающие текущие счета, устанавливающие чековое обра-

щение у себя и во-вне, учитывающие векселя, совершающие различные валютные, переводные и другие операции. Для примера можно указать на НКВТ, отчасти и на ВСНХ, НКПрод и др. наркоматы.

Все это с совершенной очевидностью показывает, насколь назрела потребность в гибком разветвленном кредитном аппарате. Не замечать и не понимать этого могут лишь близорукие доктринеры и закорузлые чиновники старого дореволюционного государственного банка. Ясно, что замедление нашей организационной работы в этом отношении даст лишь величайшее распыление и размельчение капитала, что лишь усилит анархию в хозяйстве.

Поэтому, в целях предупрепреждения подобного явления, необходимо скорейшее решительное осуществление указанных выше организационных мероприятий в отношении нашего Госбанка. Недостаточная успешность его работы до последнего времени еще более подтверждает это.

Однако, при этом необходимо установить один основной принцип, касающийся государственных кредитных органов. Все *филиальные банки* наши, даже акционерного, смешанного типа, должны остаться *в теснейшей финансово-экономической связи с Госбанком*, являясь как бы его щупальцами. Для торгово-промышленного, сельско-хозяйственного и др. подобных банков контрольный пакет акций должен быть сохранен за Госбанком. Он же, в лице своих представителей, участвует в их советах и правлениях. Если филиальный банк имеет форму не акционерного банка, то все равно это преимущество должно быть за Госбанком в той или иной форме обеспечено. В противном случае, мы получим нецелесообразное распыление наших государственных оборотных средств, внутреннюю конкуренцию и т. д. Но в то же время без создания этих филиальных банков и целого ряда их местных контор и других разветвлений мы своим кредитом не подойдем к удовлетворению основных нужд народного хозяйства.

Тесно с этим вопросом связан вопрос о *частных банках*. Поскольку органы государственного кредита недостаточно еще развились и не так скоро дойдут до мельчайших держателей денежных средств и не поставят их в сферу своего влияния, до тех пор всякие искусственные препоны самоорганизации частного кредита лишь размельчат его и сделают его нелегальным, скрытым от нас, неподдающимся нашему учету и регулированию, но, в то же время, совершенно неустранимым. Нам гораздо выгоднее разрешить ему организовываться легально, в виде частных и кооперативных кредитных обществ и банков, дабы в свое время в концентрированной форме легче его подчинить своему влиянию. Метод борьбы с частным капиталом и тут должен быть сейчас не голым административно-принудительным, а экономическим.

Более осторожно приходится относиться к допущению у нас функционирования отделений крупных *иностранных банков*. Это может сильно подорвать наши финансы и создать нам нежелательную внутреннюю конкуренцию. Максимальной уступкой в этой области надо бы признать акционерный банк с участием в нем иностранного капитала, но с преобладанием в нем государственного капитала.

VIII. Об организации торгового оборота.

Торговля, при установившихся или, вернее говоря, выявившихся или определившихся с окончанием гражданской войны отношениях крупной огосударствленной части народного хозяйства к размельченной частно-собственнической и частно-владельческой его части, становится *единственно возможным способом обмена продуктами между этими столь связанными взаимно частями всего хозяйственного целого*.

Если даже в отношении крупной национализированной промышленности и транспорта мы не в силах провести *систему планового снабжения* (совершенно противоположную по своим принципам торговле и исключающую всякую торговую систему обмена), то тем менее она осуществима в отношении сельского хозяйства и мелкой промышленности. Это на практике нам с полной убедительностью доказал печальный опыт планового снабжения деревни через превращенный в *„потребительскую коммуну" аппарат кооперации*. Надо было бы иметь невероятно крупный, чрезвычайно разветвленный и гибкий, в то же время совершенно точный и добросовестно исполняющий свои обязанности аппарат распределения, который мог бы предпринять борьбу с самой идеологией мелкой собственности, со стремлением мелкого собственника к прибыли, к накоплению капитала, при чрезвычайной его гибкости и изворотливости. Ясно, что не искусственно видоизмененному аппарату недоразвитой нашей кооперации, совместно с НКП-родом и его неуклюжим аппаратом „товарообмана" и разверстки, было предпринимать эту борьбу. Да и при самом идеальном аппарате распределения мелкая буржуазия не изживает своих предрассудков, прежде, чем путем концентрации ее капитала и пролетаризации ее кадров, она не дойдет до сознания жизненной необходимости и неизбежности другой системы распределения, не основанной, подобно торговле, на наживе и конкуренции.

Мало того, торговля, при слабости нашего государственного аппарата, при недостаточности у нас организаторских сил и крайней неустойчивости и изменчивости экономической кон'юнктуры, становится на месте планового снабжения, *более*

жизненным способом обмена продуктами внутри огосударствленного крупного хозяйства, между различными отраслями промышленности, между промышленностью и транспортом и т. д. Она уже сейчас, при всех извращениях ее, при крайнем нашем неумении торговать, при тягчайших технических условиях, в которых происходит сейчас торговый оборот, при невероятной слабости и беспомощности нашего коммерческого аппарата, лучше справляется с задачей снабжения промышленности, чем раньше это удавалось системе планового снабжения. Успехами своими за последнее время, наша промышленность в известной мере обязана упрощению и улучшению системы снабжения ее.

Наконец, лишь в формах *торговли мыслим обмен нашего народного хозяйства с хозяйствами других стран*, покуда последние сохраняют капиталистические формы своего хозяйства. Несколько искусственно сохраняемая нами система монополии внешней торговли получает сейчас ряд существеннейших поправок, которые должны, сохраняя пользу для нас самой монополии, как таковой, парализовать ее отрицательные последствия.

В виду этого *организация торгового оборота внутри Советской республики и вовне ее становится важнейшей и неотложнейшей задачей дня.* Лишь с восстановлением сколько-нибудь достаточного, не говоря уже о нормальном, товарообмена между городом и деревней и налажением тем самым снабжения промышленности и транспорта сырьем, топливом и продовольствием, а сельского хозяйства—машинами, удобрением, инвентарем и пр., с упорядочением процесса потребления для сельского и городского трудового, производящего ценности, населения, мы восстановим сколько-нибудь нормальный процесс воспроизводства рабочей силы и вместе с тем воспроизводства ценностей вообще. Одностороннее, как в период военного коммунизма, выкачивание продуктов сельского хозяйства в город, без достаточного возмещения сельскому населению продуктами промышленности, рано или поздно должно привести к краху всего хозяйства, особенно в такой аграрной стране, как Россия.

Первые выступления наших промышленных и чисто коммерческих органов на вольном рынке далеко еще не выполнили этой задачи. Торговля наша ведется пока еще бессистемно, бесцельно и сплошь и рядом совершенно безрассудно. Если допустить, что до 15—20 проц. всего торгового оборота наших трестов, торгов и синдикатов достигает конечного потребителя своих продуктов—сельского населения; если допустить, что больше половины всего их оборота вообще достигает цели в смысле взаимного обмена различных отраслей хозяйства, то малейшее увеличение этих предположительных цифр в сторону их приближения к нормальным отношениям крайне рисковано.

В то же время опыт наш показывает нам крайнюю *слабость торгового оборота вообще*, *полную почти зависимость наших государственно-хозяйственных органов от спекулянтского типа посредников и комиссионеров*, мало того, *чрезмерное преобладание в нашем торговом обороте сделок*, *бесцельных* с точки зрения интересов нашего хозяйства, сделок *фиктивных*, вызванных отчасти неустойчивостью нашей денежной системы, в виде массы излишних превращений денег в товары и наоборот, отчасти интересами спекулятивного посреднического аппарата, стремящегося попросту нагреть себе руки на бесцельном и бесполезном по существу товарообороте.

Ясно, что при таких условиях наш торговый оборот не даст в сколько-нибудь заметной мере *оживления денежного оборота* и, вместе с тем, *повышения курса рубля*. Это влияние хотя и имеется и, как показывает статистика, даже заметно задерживает падение курса рубля, в общем и целом слишком незначительно, чтобы в достаточной мере парализовать понижающее влияние эмиссии.

Что же мешает развитию и расширению, а также и качественному улучшению нашего торгового оборота? Причин к тому очень много: часть из них—и большая,—это причины объективные, неустранимые в краткий срок, связанные с общей хозяйственной разрухой, со слабой работой транспорта, низким уровнем курса рубля и его непостоянством и др. следствиями этой разрухи. Другая часть, субъективная, связана с нашим аппаратом, с состоянием его организации, с направлением нашей торговой политики и т. д.

В отношении первой части причин необходимо сказать, что их преодоление и устранение возможно, что оно уже в основных чертах наметилось и началось, особенно в области крупной промышленности; но полное преодоление и устранение их потребует очень много времени, величайшего напряжения всех производственных сил страны и колоссальной выдержки и терпения, а также планомерности и систематичности в борьбе с экономической стихией. Результаты тут будут достигаться с величайшим трудом, весьма медленно, с частыми перебоями и остановками, быть может, даже глубокими провалами, вызванными стихийными силами, вроде прошлогоднего неурожая, покрывшего собой все положительные результаты нашей новой экономической политики в отношении сельского хозяйства.

В отношении же второй группы причин (хотя и в значительной мере зависящих от первой группы, но, в свою очередь, при их устранении и смягчении, обратно влияющих на первую) мы можем и должны принять ряд организационых мер.

Часть из этих мер относится к *организациям денежного оборота*, *к организации кредита*. О них мы уже говорили в предыдущем очерке.

Другая часть должна касаться самой области торговли. Здесь, на первом месте, по нашему мнению, должна быть поставлена *задача организации торгового аппарата*, в первую же голову, *розничного* и вообще *посреднического*. Об *аппарате оптовой торговли* мы можем не так заботиться и развивать его уже во вторую очередь по оформлении первого. Развитой аппарат крупной торговли без разветвленного и гибкого посреднического и розничного аппарата будет вращаться в пустую, возлагая на нас лишь непосильное бремя накладных расходов. С уверенностью можно сказать, что после слабости транспорта и неустойчивости валюты на следующем месте в ряду причин, задерживающих развитие торгового оборота, стоит слабость и недоразвитость торгового аппарата в низших его звеньях, подходящих к потребителю. Этим объясняется, что при наличии оборотных средств и даже транспорта потребитель не в силах получить по близости все то, что ему нужно для личного потребления и для организации своего хозяйства, а крупный производитель соответствующего товара не в силах доставить его потребителю и товар у него залеживается без движения на складах, задерживая оборот в его производстве. Слабость же и атрофия посреднического аппарата—прямое следствие системы планового снабжения, стремившейся изжить торговлю, и гражданской войны, как таковой, вынудившей, между прочим, насильственно видоизменить *кооперацию*, переделав ее аппарат на новый лад. Восстановление этого аппарата требует теперь больших усилий и времени. Формальное восстановление прав и функций кооперативного аппарата, долженствующего наряду с частной торговлей играть важнейшую роль в посредничестве между городом и деревней, не влило еще живого содержания в этот аппарат, не связало его нисших ячеек, оборвавшихся от потребительской стихии, с этой последней. Лишь восстановив этот важнейший аппарат обмена, дав в то же время значительно развиться частно-торговому аппарату, хотя и спекулянтскому по существу, мы, связав его с разветвленным кредитным аппаратом, добьемся более быстрого и непосредственного оборота товаров в нашем народном хозяйстве. Развитие же его в свою очередь будет ослаблять вредное влияние транспортных и денежных затруднений. Вывод отсюда—большую *свободу частному торговцу и посреднику на первых, по крайней мере, порах, и максимум сил на организацию и развитие кооперативного аппарата во всех его видах и связывание его с мелкособственнической и вообще потребительской массой.*

Аппарат оптовой торговли мы имеем отчасти в лице наших трестов, отчасти в лице выросших из прежних главков и снабов, так называемых торгов и их объединений. Наряду с последним начинают выростать одни за другими всякого рода синдикаты, сплошь и рядом всероссийского значения и масштаба,

со всякими фиксированными и подразумевающимися правами на монополию сбыта и заготовки. Мы должны сказать, что если и необходимо развитие нашего крупно-торгового аппарата, то больше в *качественном*, чем в количественном отношении и больше в сторону *посреднического аппарата*, чем в сторону всяческих торговых монополий. Эти последние вырастают, в свою очередь, и в соответствующих условиях, когда конкуренция на рынке между различными торговыми аппаратами вынудит и толкнет их к тому. Сейчас же они создаются в значительной части совершенно искусственно, без непосредственных причин к тому, под нездоровым влиянием застоя на рынке. Такие монопольные органы могут лишь задержать развитие нормального торгового аппарата, а не содействовать ему. Это вообще извращенный тяжелыми условиями рост нашего торгового аппарата: вместо широкого разветвленного роста вниз, корнями в почву, он выростает вверх, давая ложные и преждевременные цветы.

Однако, приведенные только-что соображения нисколько не должны противоречить развитию оптового торгового аппарата в отношении его *отделения от аппарата по управлению производством*. Вместо трестов, торговлей должны заняться торги и различные торговые общества, с привлечением на паевых или акционерных началах иностранного или внутреннего частного капитала и кооперации. Вместо того, чтобы каждый трест заводил свои агентуры и конторы во всех крупнейших городах в России и заграницей и открывал бы даже в силу необходимости свои розничные магазины, он должен передавать сбыт своей продукции и заготовку себе сырья, топлива и материалов на комиссионных началах различным чисто коммерческим обществам и другим подобным органам на приемлемых условиях. Для этого и нужно развитие подобных органов в самой широкой мере и при том не исключительно универсального типа, но и специальных органов по торговле теми или иными продуктами сельского хозяйства или промышленности: напр., металлом, углем, нефтью, хлебом, льном и т. д. Нечего бояться сейчас их развития, даже на чисто частно-собственнических началах: сперва они должны создаться и создать живой торговый оборот; потом уже можно будет их охватывать и подчинять себе через банки, пользуясь мощью государственного капитала.

Не менее важны также органы по *учету и наблюдению за рынком—биржи*. Их развитие пока приняло чрезвычайно уродливые формы. К этому имеется ряд внешних неустранимых причин—между прочим, недоверие частных лиц к этим органам государства. Но мы можем в значительной мере оживить их работу, допустив к участию в них на правах членов частных посредников и торговцев, кроме того, установив лучшую связь между биржей и самим рынком, что улучшит ин-

формацию биржи и больше к ней привлечет заинтересованных в этой информации. Неправильно также связывание биржи с кооперацией, органом преимущественно розничной и посреднической торговли. Правильно было бы поставить ее формально вне того или иного государственного органа, подчинив ее лишь надзору соответствующего, регулирующего торговлю государственного органа.

Наконец, несколько слов о *регулировании торговли* и органе этого регулирования. Регулировать торговлю придется двояко: экономически—через банк, отчасти биржу, всякого рода синдикаты и т. п. органы с преобладающим в них государственным капиталом; административно, в законодательном и исполнительном порядке, путем издания ряда законов, инструкций и правил, нормирующих торговую деятельность и охраняющих права собственности, а также интересы государства и трудовых слоев населения. Эта последняя функция сейчас никем вполне не выполняется. НКПрод ВСНХ, НКВТ, даже НКВД, претендуют в той или иной части на регулирование торговли. Необходимо создать единый для этой цели аппарат в одном из наркоматов. Если регулирующую часть НКВТ в отношении внешней торговли перенести в ВСНХ, сохранив в виде самостоятельного оперативно-коммерческого органа оперативную его часть (а это неизбежно должно произойти в силу тесной связи нашей промышленности с внешним рынком), то естественно напрашивается передача этого аппарата в ВСНХ, с превращением его тем самым из Наркомпрома в НКПромторг и с созданием в нем крупного функционального аппарата по регулированию торговли. Передача этой функции НКПроду, как того некоторые добиваются, было бы излишней и ведной попыткой воскресить этот отмирающий постепенно в новых условиях комиссариат.

IX. О формах организации государственной промышленности.

Жизнь идет вперед столь быстрыми шагами, что за каких-нибудь полгода или четверть года наше хозяйство претерпевает столь большие и быстро происходящие изменения, что трудно их даже своевременно фиксировать. То же касается и организационных форм, в которые облекается это хозяйство. То, что еще в конце декабря пр. г., в разгар организации трестов, казалось смутным и неясным, то уже теперь выяснилось и приняло более конкретные формы. Если мы тогда лишь теоретически могли разбираться в трестах, как формах организации нашей промышленности, а о синдикатах и банке могли

говорить лишь в самых общих чертах [1]), то теперь, когда почти все сколько-нибудь развитые и концентрированные отрасли трестировались, а в ряде других назревает и уже происходит „синдицирование“, даже во всероссийском масштабе, когда мы имеем уже опыт полугодовой работы наших крупнейших трестов,—мы можем уже более подробно и конкретно рассмотреть эти новые формы организации промышленности.

В то же время с полной определенностью выяснилась *неизбежность ликвидации прежних главков и центров*, вместе с ликвидацией системы планового снабжения, органами которой и являлись эти главки и центры. Как в губернских совнархозах, так и в областных промбюро (сужу на основании опыта УКРСНХ-за), а вслед за ними и в самом ВСНХ идет сейчас и даже кончается поголовная ликвидация главков и их местных органов, по мере „вырастания“ из их недр различных трестов, синдикатов и торгов. То, что еще три месяца тому назад являлось спорным и вызывало сильные возражения отдельных хозяйственников (например, т. Лугановского на совещаниях трестов в ВСНХ в конце января с. г.), теперь уже стало бесспорным и неизбежным даже в отношении таких крепких главков, как Главтоп, Промвоенсовет, Главмет и т. п. [2])

Однако необходимо отметить, что самая ликвидация их на практике наталкивается на значительное сопротивление, на громадную инерцию закостенелого бюрократического аппарата и даже на некоторую организационную изворотливость и приспособляемость главков в смысле сохранения своего аппарата и своей системы работы под новыми вывесками. Об этом нам еще придется говорить.

Переходя к новым формам организации промышленности, трестам и синдикатам, мы должны отметить в отношении их построения значительную *искусственность и поспешность*. Самый процесс их организации идет не естественным путем концентрации промышленности — снизу вверх от отдельных предприятий к районным и всероссийским объединениям и от артелей к синдикатам и трестам, а, напротив, сверху вниз, от чрезмерно централизованных в прежних главках и центрах органов управления промышленностью к более жизненным районным, губернским, кустовым объединениям и от трестов и синдикатов, в порядке децентрализации управления ими. Отсюда

[1]) См. брошюру „Новые формы организации промышленности“, Харьков, 1922 г., вышедшую в первых числах января этого года и написанную еще в декабре пр. г.

[2]) Из сказанного отнюдь не следует, что должна быть ликвидирована планово-регулирующая часть главка. После ликвидации аппарата планового снабжения, в составе главка остается ряд частей, могущих быть и в дальнейшем с успехом использованными для общей планово-регулирующей работы: напр., планово-распределительная часть аппарата Главтопа производственно-техническая часть Главметалла и т. п., но уже в иных комбинациях с общими функциональными органами ВСНХ.

и известная искусственность, бюрократичность в формировании этих органов. Однако, если более внимательно всмотреться в структуру прежних главков, то приходится признать, что в большинстве их централизованное управление своими предприятиями было лишь фикцией и сводилось не более как к плановому снабжению предприятий отдельными факторами производства: снабжались же они всем остальным из своих запасов или местных источников, а управлялись своими заводоуправлениями, в лучшем случае кустовыми и районными правлениями, создавшимися снизу. Искусственное рассечение в период главкизма целого ряда прежних вертикальных комбинатов (например, металлургических заводов с рудниками угольными и железными) на отдельные, горизонтально связанные с прочими однородными предприятиями единицы еще более затруднило централизацию управления этими предприятиями в главках и их центральных правлениях.

Учитывая это фактическое положение вещей, мы должны констатировать, что в *основе своей процесс концентрации промышленности идет естественным путем, восстанавливая в лице различных комбинатов и групповых и районных правлений старые, сложившиеся еще прежде экономические связи*; не находя сейчас на своем пути препятствий в виде неестественных, мешающих объединению перегородок частной собственности, упраздненной вместе с национализацией промышленности, этот *процесс еще более облегчается и ускоряется*. Но в то же время ему мешают и несколько его извращают вызванные ликвидацией главков искусственные построения в нашей промышленности. Опыт показывает, что целый ряд наших новых всероссийских трестов и синдикатов, особенно последних, построены без достаточных к тому экономических оснований, построены искусственно в целях сохранения или реставрации главка, а отнюдь не в силу экономического тяготения друг к другу объединяемых в них предприятий.

В отношении их, очевидно, понадобится очищающая воздух гроза надвигающегося на нашу промышленность финансово-экономического кризиса, чтобы путем жестокого испытания отделить жизненные здоровые объединения наших промышленных предприятий от искусственных, рахитичных порождений наших главков. В значительной мере это испытание „огнем" могло бы быть предупреждено более тщательной проверкой со стороны Госплана и ВСНХ тех экономических оснований и тех реальных средств, которые явились причиной и основой создания многочисленных наших промышленных объединений.

Попутно отметим, что в связи с этим несколько *преждевременным* кажется нам *перевод целиком на местный бюджет губсовнархозов,* этих наших посредников и промежуточных подготовительных аппаратов по части систематической, постепенной концентрации промышленности. Такое их отбрасывание

в сторону и превращение их в своего рода „земские" органы по части использования на основе местных средств промышленности местного же значения могло бы иметь место лишь по окончании процесса собирания и концентрации государственной средней и крупной промышленности, имеющей, безусловно, более чем местное значение. Считать же этот процесс законченным—преждевременно.

Та доля искусственности и абстрактности в построении новых органов управления промышленностью, о которой мы говорили выше, наводит ряд работников-хозяйственников, особенно из рядов специалистов-производственников, на ложный вывод о том, что вообще наши советские тресты и синдикаты по существу являются органами извращенными, не соответствующими ни в какой мере прежним организациям того же наименования и капиталистическим организациям того же наименования. Некоторые, например, как профессор Фомин, считают их по просту „коммерсиализированными" главками, видя только одну сторону процесса их организации—выростание их из прежних главков.

Если бы это имело место на самом деле, то вывод этот был бы, при условиях существования рынка, убийственным для дальнейшего существования и укрепления нашей национализированной промышленности. Но нам кажется, что прежний административно-централистский режим главков лишил наших практиков и теориков в значительной мере способности объективно оценивать те явления, которые они наблюдают в отношении промышленности. Нам кажется, что наша промышленность в условиях новой экономической политики возвращается, после периода неизбежных отрицательных воздействий на нее гражданской войны, к нормальному развитию своему, начиная с тех ступеней развития, до которых она дошла за время до войны или вернее, на которых она очутилась в итоге войны (в отношении некоторых отраслей война сильно содействовала их развитию и концентрации, подняв их на более высокие ступени; в отношении других, наоборот, распылила и понизила степень их концентрации). При этом государственная собственность на главные орудия производства лишь облегчает и ускоряет естественное стремление их к концентрации. Если при этом наши тресты и синдикаты не в состоянии сразу принять форм общегосударственных объединений и строятся пока преимущественно в областных, районных масштабах, то это объясняется громадностью территории Советской Федерации, ее неоднородностью, существованием в ее составе отдельных, замкнутых, экономически обособленных и самостоятельных районов (Туркестан, Сибирь, Кавказ и т. п.), отсталостью нашей промышленности в прежний период ее развития (всероссийских трестов она еще не знала), наконец разорванностью этих районов между собой в силу экономического кризиса

вообще и транспортного кризиса в частности. Но тот же кризис, при условии единой разумной хозяйствующей воли победившего пролетариата, толкает нашу промышленность к еще большей концентрации, к отбору наиболее здоровых и сильных предприятий, хотя в то же время вызывает распыление производства внизу, в области кустарной и мелкой частной промышленности.

В отношении внутренней структуры органов, управляющих промышленностью, реализующих ее продукцию и снабжающих их необходимыми факторами производства, мы, не вдаваясь сейчас в анализ этой структуры за недостатком для этого соответствующего материала, должны отметить (на основании отдельных наблюдений), что в большинстве случаев эта внутренняя структура и качественная сторона аппарата требует много лучшего. Сплошь и рядом, в лице трестов и синдикатов, мы видим копию прежних главков в еще более раздутом и расширенном виде. От этих их форм до коммерчески гибких, подвижных и компактных аппаратов прежних капиталистических трестов и синдикатов — дистанция огромного размера. Нужен еще громадный опыт, нужно испытание их на деле, в условиях рыночной борьбы, чтобы из этих аппаратов получилось то, что нам необходимо. Изжить главкизм совершенно нам удастся, очевидно, еще не скоро, но тем более изживание его необходимо.

X. Об осуществлении прав владельца.

В процессе реорганизации нашего хозяйства в соответствии с началами новой экономической политики мы подошли вплотную к этой важнейшей организационной проблеме. Ее надо поставить и вырешить, чтобы в дальнейшем предупредить могущие возникнуть неправильные и извращенные организационные формы.

Владельцем, собственником всех основных средств производства и обмена—фабрик, заводов, путей сообщения, земли и недр—*является советское государство*, как представитель интересов трудящихся масс страны. Это право завоевано пролетариатом России в жесточайшей борьбе и без новой борьбы уступлено, конечно, не будет.

Нам в своей среде не о самом этом праве приходится спорить. Проблема осуществления прав владельца состоит для нас в том, *какими способами и в каких формах* советское государство должно осуществлять эти бесспорные права свои.

Эта проблема решалась весьма просто при системе централизованного планового снабжения промышленности, транс-

порта, сельского хозяйства, армии и населения и обращении в государственную собственность путем ли разверстки, путем ли взятия на учет или иным способом всей продукции всего населения, всех видов хозяйственной деятельности его, за исключением лишь нескольких самых незначительных отраслей кустарной и мелкой промышленности и сельского хозяйства.

Не так просто решается эта проблема в условиях новой экономической политики. Перевод промышленности и транспорта на начала самоокупаемости с противопоставлением их в части своего снабжения и сбыта своей продукции рынку, который связывает их с производителем сельским и мелкопромышленным, работающим на государственных предприятиях или земле на началах аренды или долгосрочного безвозмездного пользования, который в дальнейшем свяжет их и с более крупными частными торгово-промышленными контрагентами-концессионерами, смешанными обществами, банками и т. п., вызывает ряд новых более сложных взаимоотношений этих самоокупающихся государственно-капиталистических образований с самим государством—владельцем их.

Капитализм в своем развитии шел по линии постепенной концентрации капитала во все более укрепляющиеся и расширяющиеся единицы, с одновременным обезличиванием отдельных держателей его. От простого товарищества на вере и артели производителей, через товарищества на паях, акционерные общества, артели, синдикаты, тресты, с все большим и большим охватом хозяйства вширь и вглубь, идет это развитие вплоть до высших форм финансового капитализма, где какой-нибудь консорциум банков держит в своих цепких лапах целые отрасли хозяйства, с обслуживающими их предприятиями и хозяйством, диктуя всем подчиненным себе синдикатам, трестам, акционерным обществам и пр. свой план и свои цели работы. Отдельные совладельцы этого крупного объединения могут стричь купоны и подавать свои голоса на общих собраниях; заправляют же всем делом немногочисленные воротилы—держатели главной массы акций такого концерна. Концентрация эта сопровождалась монополизацией соответствующих отраслей в интересах узких капиталистических групп. Поскольку же все хозяйство внутри крупного капиталистического государства или экономической федерации нескольких мелких государств делилось на ряд таких монополистических групп, друг от друга зависящих в общем хозяйственном процессе, постольку между ними шла беспрерывная борьба за дележ добычи, урываемой с рабочего и крестьянина, в качестве производителя и потребителя. Эта борьба создавала ту диспропорциональность, ту анархию в хозяйстве, от которых так страдали капиталистические страны, спасение от которых они искали и находили лишь в насильственном расширении своих рынков за счет соседей и отсталых стран-колоний. Захват всех мировых рынков

приостановил действие этих отдушин и единственным выходом осталась война между отдельными капиталистическими государствами и их союзами не на жизнь, а на смерть, с целью уничтожить соперника.

Но сама эта война, в целях успешного ее окончания, требовала от соответствующих государств вмешательства во внутренние хозяйственные дела, в целях ограничения и изживания внутренней борьбы между отдельными капиталистическими образованиями внутри этих стран. Впервые в истории развития капитализма стали проводиться в широком государственном масштабе такие мероприятия, как принудительное регулирование государством работы отдельных объединений, регулирование рынка путем нормирования цен и т. п. Это было высшим кульминационным пунктом развития капитализма, до которого он сумел подняться в минуту опасности под давлением неумолимых внешних сил, но от которого он немедленно скатился вниз в еще большую анархию и диспропорциональность, как только эта опасность миновала и победа оказалась обеспеченной или вся государственно-капиталистическая организация оказалась разгромленной. Разнородность частновладельческих групп, противоположность и непримиримость их интересов выявились вновь с неменьшей силой.

„Военный коммунизм" у нас в Советской России—это подобная же система централизованного планомерного руководства всем народным хозяйством страны, вызванная не менее опасным положением блокированной со всех сторон страны, окруженной бесчисленными врагами. Вынужденная бороться не на жизнь, а на смерть, толкаемая к тому же общими интересами трудящихся, Советская республика пошла по линии полной почти национализации всех средств производства и обмена, что, в свою очередь, облегчило и упрочило проведение самой системы военного коммунизма.

Однако, система эта, единственно возможная и чрезвычайно полезная в условиях блокады и гражданской войны,—ибо она то и доставила нам победу,—оказалась совершенно не сосоответствующей всему укладу мелкособственнической, аграрной по преимуществу, страны. Новая экономическая политика, вернее—старая и всегдашняя, единственно мыслимая и возможная в нормальных условиях при господстве пролетариата в России, возвратила нас к действительному соотношению сил, к нормальному положению вещей.

Нам при этом пришлось от системы планового снабжения и распределения перейти к рынку, к купле-продаже. Высшими формами концентрации нашей промышленности стали, после уничтожения прав частной собственности, тормозившей раньше самый процесс этой концентрации,—областной трест, всероссийские тресты—резиновый, электро-технический—и общефедеративный синдикат, а над ними Государственный Банк. Сами же

эти синдикаты, тресты, банки, торги и пр. наши „формации“ последнего времени имеют по существу характер частно-правовых организаций, замкнутых в себе и преследующих свои узкие интересы отдельной отрасли или района, несмотря на то, что единственным или, по крайней мере, главным (в смешанных обществах) владельцем их является одна и та же публично-правовая организация—Советское государство. Обособление это вызывается, в данном случае, не интересами к наживе отдельных групп или лиц, а характером взаимоотношений этих объединений с окружающей экономической средой, соприкасающейся с ними через посредство рынка. В этом вся суть и вся логика вещей. Отсюда тот сепаратизм и антигосударственный образ действий, которые мы в отдельных случаях наблюдаем уже сейчас у наших трестов, торгов и синдикатов, и который чем дальше, тем все больше будет развиваться, несмотря на всю преданность революции и Советской власти стоящих во главе их правлений и заведующих [1]).

Думать, что достаточно одного подчинения руководителей наших объединений государственной власти, их назначившей и могущей их в любое время снять,—совершенно ошибочно. Самые идеальные государственно мыслящие агенты наши станут нашими врагами в силу того положения, в которое мы их ставим одного в отношении другого и всех их в отношении частно-собственнических контрагентов и государства в целом. Им дана одна директива—оправдать себя, дать наиболее дешевый и в то же время доброкачественный продукт в максимально возможном или даже определенном заранее количестве: не их вина, если они добьются этого за счет недопроизводства, ослабления, а то и гибели других отраслей или районов народного хозяйства; они действуют в условиях рынка в слепую, ибо торговля—это неорганизованный, непланомерный способ обмена, не дающий возможности отдельному участнику в ней предвидеть все результаты его действий, в их конечном итоге и в объеме целого.

Ясно, что поэтому нужны какие-то особые органы, стоящие над нашими коммерческого типа объединениями и дирижирующие ими, исходя из осознанных и в едином плане выявленных целей и намерений единого коллективного владельца нашего народного хозяйства. В руках этих регулирующих органов оперативные наши органы должны быть лишь *объектами*,

[1]) В более слабой степени это наблюдалось и у прежних главков и центров и главных и районных правлений в период военного коммунизма. Но тогда это могло иметь место лишь при наличии и них значительных запасов необходимых факторов производства. К тому же руководящим центрам путем планового распределения топлива, хлеба, транспортных средств и т. п. удавалось их сравнительно легко вводить в русло общей программы: диспропорциональность и анархия вызывались в тот период в гораздо большей мере отсутствием общего плана работы.

а не субъектами регулирования всего хозяйственного процесса. Они (оперативные органы) могут, одни в отношении других, или все в отношении частно-собственнической среды, быть орудиями (инструментами) регулирования этого процесса, но не от них, а от владельца-государства, в лице соответствующих, специально для того создаваемых, органов должно и может зависеть направление и цель этого регулирования. Даже вполне сознавая эти цели и интересы государства, они должны своей работой лишь выполнять предначертания владельца, а не брать на себя выявление руководящих директив. Государство-владелец уподобляется здесь тому капиталистическому магнату, который, держа в руках контрольный пакет акций крупного капиталистического объединения, своей волей определяет его работу и дает правлению его, как своему агенту—исполнителю, соответствующие директивы, сам, быть может, не участвуя непосредственно в управлении своим хозяйством, в эксплоатации его. *Носителем интересов государства-владельца*, общей государственной идеи остается государство в лице *особых государственных органов, облеченных правом высшего распоряжения его капиталами и контроля над их использованием.* Все же оперативные органы, оборачивающие по частям этот государственный капитал, являются в отношении первых лишь исполнительными органами, не определяющими общей линии поведения и общего плана работы всего хозяйства в целом.

Отсюда вытекают уже соответствующие выводы. Начиная с отдельного предприятия или магазина и кончая общефедеративным синдикатом, торгом, и, наконец, банком, мы строим систему наших экономических орудий выполнения и регулирования общехозяйственного процесса. Государство представлено в их правлениях и советах в качестве единственного владельца или главного акционера и через своих уполномоченных агентов проводит в их работе свою программу, свой план. Но устанавливается окончательно этот план и вытекающие из него основные директивы не этими органами, а оставшимися вне их регулирующими государственными аппаратами, начиная со СТО и Госплана и кончая отдельными экономическими Наркоматами.

Ясно, что *между первыми и последними должна быть проведена грань, отделяющая хозяина-владельца от агента-исполнителя его воли.*

Ясно отсюда, далее, что не может быть речи о превращении целых Наркоматов, вроде НКФина, НКВнешторга, НКПрода, НКПС, ВСНХ и др., в самоокупающиеся органы: этим мы рассечем все наше хозяйство на ряд мощных, но борющихся друг с другом, конкурирующих между собою образований—транспорт, промышленные, торговые объединения и т. д., и в то же время лишимся мощных органов по осуществлению прав владельца. Наркоматы, выделив из себя оперативные свои

части, дав им известную самостоятельность и замкнутость в себе, сохраняют в себе аппарат общего регулирования, не могущий стать уже выразителем узких интересов первых, а становящийся по отношению к ним носителем общегосударственного начала. Вот почему совершенно недопустимо (конечно, по практическим, а не теоретическим соображениям) рассматривать, напр., ВСНХ в качестве какого-то совета промышленности, отражающего интересы одних лишь трестов, или НКПС, как совет транспортных трестов и синдикатов [1]). Если в них это в некоторой мере проявляется, то это явление переходное, получившееся от смешения двух начал при постепенном выделении оперативных органов из этих наркоматов. Подобную переходную фазу переживает сейчас ВСНХ, превращающий прежние свои главки в принудительные синдикаты, долженствующие, по его мнению, стать сознательными, самостоятельными регуляторами работы трестов с точки зрения государственного плана, долженствующими, как это метко кем-то сказано, „улавливать разбежавшиеся во все стороны тресты". Однако, тут вместо улавливания может получиться нечто совершенно иное—превращение этих синдикатов, а через них самого ВСНХ, в подлинный совет промышленности, отстаивающий лишь узкие интересы этой последней. Смешение в одних органах на длительный период столь противоположных по существу функций может дать лишь одно из двух: или превращение подобного принудительного синдиката в добровольный, идущий навстречу естественно выростающим снизу стремлениям отдельных трестов к монополии сбыта своего продукта или заготовки себе сырья (принцип добровольности объединения), или в тот же главк, становящийся на страже интересов государственного целого против интересов групповых. Создание принудительных синдикатов в отдельных отраслях—это не что иное, как выкачивание обратно в руки государства части выделенных трестам оборотных средств, дабы,

---

[1]) Как это делает, например, тов. Минаев, в № 111 „Эк. Жизни" в своей полемике со мною по поводу воображаемого им моего похода на монополию внешней торговли. В интерпретации тов. Минаева ВСНХ уже является таким советом промышленности, совершенно неспособным понять тех высоких государственных начал, которые доступны, судя по поучительно-снисходительному тону статьи, одному лишь тов. Минаеву. Рассуждения тов. Минаева по существу мною не оспариваются, и он ломится в этом отношении в открытую дверь, допуская в то же время сам от себя ряд поправок к монополии, на которых я и настаивал. Но весьма характерно выявившееся у него в пылу полемики пристрастие к ВСНХ. Нельзя отрицать, что оно до известной степени оправдывается процессом организованного перевоплощения ВСНХ, который мы наблюдаем в настоящий момент. Точно также заграничные экономисты, на которых ссылается тов. Минаев, уже предвосхищают в своих статьях желательный для них отход наш от позиций государственного капитализма к позициям финансового капитала, при котором монополия внешней торговли немыслима.

распоряжаясь этими фондами в интересах государства, а не этих трестов, регулировать их работу. Но если подобная организационная структура и допустима и практиковалась, между прочим, крупным финансовым капиталом, то, во всяком случае, лишь как орудие воздействия на тресты и не более.

Тут мы подошли ко второму практическому выводу из вышеизложенного. Необходимо кроме административной власти, кроме института ответственных перед нею агентов—членов правлений и заведующих заводами, сохранить в руках государства-владельца определенный, достаточный для гибкого маневрирования финансово-материальный фонд, который в виде ли денежного кредита, в виде ли временных субсидий или в иной форме дается, по мере надобности, тому или иному хозяйственному объединению в качестве его оборотного фонда. В этот фонд должна вливаться вся чистая прибыль этих объединений, арендные и концессионные взносы. Фонд этот по частям может быть предоставлен в распоряжение отдельных органов (типа главков на переходное время, вроде Гут'а, Главметалла и т. п.) в качестве маневрового фонда, за распоряжение которым, эти органы отвечают перед своим НКтом, составной частью которого они являются. Подобные фонды не могут внутри этих органов иметь коммерческого оборота и наращиваться за счет операций этих органов. В последнем случае мы имеем уже не держателя фонда, а банковского типа орган, становящийся в руках держателя-владельца лишь орудием регулирования. Тут должны строго соблюдаться те же взаимоотношения, какие установились между НКФином и Госбанком. Первый—это орган высшей государственной власти, владельца-держателя фонда; второй—исполнитель его предначертаний и планов в области кредитно-финансовой, орудие в его руках.

Из вышеизложенного вытекает еще третий вывод—об абсолютной неделимости основного фонда государства—владельца между отдельными независимыми держателями его. Поскольку—один владелец,—должно быть едино и цельно его имущество, его капитал. Он может в технических целях разбить его на части, раздать отдельным объединениям, но в целом это все остается неделимой его собственностью. Вот почему недопустима, между прочим, и совершенно несогласуема с началами государственного капитализма попытка создания из государственных капиталов, вложенных в отдельные тресты и торги, независимого, замкнутого в себе торгово-промышленного банка или другого подобного образования для держания и распоряжения этими капиталами. Подобный банк, сам по себе крайне необходимый и целесообразный, как более гибкая форма подхода к промышленности, торговле и т. д., мыслим лишь как филиал, как составная часть единого Государственного банка, концентрирующего в себе основные капиталы государства, или по крайней мере, как орган, подчиненный одному и

тому же государственному финансовому органу, учитывающему все финансово-материальные рессурсы государства и распоряжающемуся ими. Но поскольку последний вариант имеет лишь теоретическое значение, тогда, как банковская практика дает более целесообразный способ объединения разных банков в общий концерн или банк банков, постольку необходимо выставить непременным условием создание подобных специальных банков в наших условиях лишь в порядке „отпочкований“ от центрального Государственного Банка. Создание независимого Торгово-Промышленного Банка, в составе ВСНХ наравне с „принудительными“ синдикатами приближает нас к опасности превращения ВСНХ из объективного государственно-регулирующего промышленность и торговогр органа в субъективного ходатая перед государством по делам промышленности и торговли, в некоторое подобие прежних советов Съездов промышленности, создавшихся в отдельных отраслях. Это совершенно недопустимо, ибо лишает советское государство объективного контрольно-регулирующего органа и превращает его из полноправного и известного владельца хозяйства в орудие „насилия“ одних групп частнохозяйственного типа над другими, в зависимости от соотношения их сил в анархической борьбе. Такое положение могло бы создаться при денационализации основных элементов нашего народного хозяйства. Поскольку же о последней не может быть и речи, необходимо всячески укреплять орган единой экономической политики и единого плана государства, как субъекта нашего народного хозяйства.

XI. О горизонтальных и вертикальных органах регулирования хозяйства.

Как регулирование промышленности и сельского хозяйства, так и торгового оборота и денежного обращения требует, кроме верхушечных органов, также и местных исполнительных органов своих, подчиненных *по вертикали* своему центру. Можно говорить о большей или меньшей их автономности, но, при общепризнанном всеми входящими в Советскую федерацию государствами единстве экономической политики и системы управления всем народным хозяйством федерации, против всякого вертикального подчинения возражать будет невозможно.

Но это вертикальное построение местных органов регулирования хозяйства неизбежно должно быть связано с *горизонтальным соподчинением* их соответствующим экономическим (а кроме того, и политическим) центрам. Органы эти появились только теперь, при Советской власти: старый царский режим

их не знал, как не знал и высших обще-хозяйственных органов. Вызваны они к жизни тем единством в управлении хозяйством, которое дается единством владельца-государства, единой волей стоящего за ним рабочего класса. Поскольку техника связи не дает возможности, преодолевая всякие размеры пространства и времени, непосредственно из одного центра управлять всем хозяйством, поскольку самый объект управления в своей концентрации не достиг высших ступеней, а, напротив, представляет из себя довольно-таки аморфную и беспорядочную еще массу, поскольку владение государства не охватывает фактически всего хозяйства, а значительную часть его оставляет на формальных или только фактических частно-правовых началах владения,—постольку необходимость в этих промежуточных обще-хозяйственных органах крайне велика. Отказ от них был бы величайшей ошибкой, возможной лишь при самом абстрактном и извращенном подходе к нашей действительности. Все разговоры, поэтому, об упразднении, в связи с новой экономической политикой, горизонтальных органов не только неправильны и ошибочны, но прямо-таки вредны для цельности и твердости нашего хозяйственного аппарата. Всякие попытки реставрации былого прямолинейного „вертикализма“ главков, о котором некоторые видные авторы наши мечтали в 1918 г., должны быть сейчас, как и тогда, осуждены самым решительным образом.

Но столь же неприемлемы и несогласуемы с интересами всей Советской Федерации и с началами государственного капитализма попытки замкнуться по горизонтали в тех или иных областного типа хозяйственных объединениях, с перерывом линии прямого подчинения соответствующему вертикальному хозяйственному органу. Это худший вид местничества, с которым приходилось усиленно бороться еще в 1918 г., и который не может ныне быть оправдан ни новой экономической политикой, ни принципами национальной автономности, ни чем-либо иным, кроме узких местных интересов и непонимания интересов целого класса, могущего отстоять свои экономические завоевания лишь на широком, цельном экономическом плацдарме, а не при раздроблении страны на ряд замкнутых в себе клеток. Все развитие промышленности, транспорта и торговли в России шло таким образом, что сейчас это единое целое дробить, разрывать на части—все равно, что убивать живой организм. Ни Сибирь, ни Кавказ, ни Туркестан или Украина не могут самостоятельно, без помощи других областей и обменной связи с ними, нормально жить и развиваться, не сойдя вниз с занимаемых ими сейчас ступеней развития хозяйства, достигнутых, быть может, искусственным насаждением иностранного капитала, но самих по себе крайне важных и полезных для дальнейшего восстановления и процветания Советской Федерации. Между различными частями

Федерации установилось известное „разделение труда“ в отношении общего производственного процесса, при чем отдельные части в развитии тех или иных своих функций достигли высоких ступеней развития (напр., Кавказ—в производстве нефти, Украина—угля, руды, металла, Поволжье—хлеба и т. д. и т. п). Нарушить эту систему, разорвать установившиеся экономические связи и взаимоотношения было бы величайшей ошибкой, было бы регрессом, а не прогрессом.

Конечно, единство экономической политики и хозяйственного плана для всей федерации, осуществляемое центральными общефедеративными органами—СТО, Госпланом и экономическими наркоматами,—еще нисколько не противоречит максимальной самостоятельности областных органов в отношении выполнения его на местах, так же как и автономии их в обслуживании внутренних хозяйственных нужд области, губернии, уезда и т. д., в эксплоатации ее богатств, в управлении ее промышленностью, транспортом и пр. хозяйственными факторами, не имеющими общефедеративного значения. Вмешательство центра в эти стороны, мелочная его опека над всеми частями областного хозяйства столь же вредны для дела, как местное обособление. Область или отдельная союзная республика в отношении своих хозяйственных потребностей и их удовлетворения должна иметь свой внутренний, самостоятельный бюджет, лишь согласуемый в обще-федеративном финансово-экономическом совете с подобными бюджетами остальных областей и республик и наличными рессурсами федерации на покрытие возможных дефицитов. Но зато, в отношении транзитных путей, главных хозяйственных магистралей (как, напр., Сибирская, Северная, Моск.-Курская и Южная, Александровская, Николаевская и т. п. жел. дороги, Волга, Днепр, и др. крупные водные артерии), морского транспорта и портов, крупнейших в федерации месторождений угля, руды, нефти лесных массивов и т. п., а также первостепенных промышленно-торговых предприятий, силовых станций, холодильников, элеваторов и т. д., входящих в общее хозяйство федерации и участвующих в ее экономическом обмене с внешним миром,—в отношении их должен действовать единый бюджет и хозяйственный план, разрабатываемый центром лишь по заключениям областных органов. Выполнение его, если оно и возлагается на областные органы, не может зависеть от интересов остального хозяйства области и должно совпадать в максимальной степени с осуществлением интересов центра, насколько это возможно в данных условиях. Областные органы, пользуясь значительной свободой действий и самостоятельностью в практическом подходе к осуществлению заданий и плана центра, в то же время строго ответственны за его соблюдение в основном.

Сказанное об областных делениях в той же мере относится и к дальнейшим подразделениям области (округам, губер-

ниям или иным, как бы они ни назывались) в части их взаимоотношений с областными центрами.

Другой вопрос—*это вопрос о количестве и форме ступеней* (иерархий) в построении горизонтального аппарата регулирования хозяйства и о соотношении разных ступеней между собою. Тут перед нами возникает, в связи с новой экономической политикой, целый ряд важнейших практических задач, требующих скорейшего своего разрешения. Отметим важнейшие из них.

Проблема о *числе ступеней* крайне важна. Не может быть двух мнений, что старая дореволюционная, удельно-вотчинная и местная система деления страны на губернии (области в Азии) и уезды изжила себя давно. Она настолько отстала от живой действительности, настолько не соответствует позднейшим экономическим наслоениям, что никакими переделами и частичными перегруппировками волостей в новые уезды и уездов в новые губернии не исправить ее. Тут, очевидно, неизбежен разрыв со старой традицией и переход к революционным изменениям всей системы. Первым таким новообразованием являются *области* в том смысле, как их создала революция. Обширность страны и разнородность хозяйственного уклада в различных частях ее настойчиво вызывают областные объединения экономически однородных и тяготеющих к общему центру губерний. Попытки уничтожения областей в целях сокращения инстанций в 1918 — 19 г. г. привели лишь к изменению взаимоотношений их с центром; сами же области восстановились в новом виде под видом райнов действия трудовых армий, частично под видом различных национальных образований.

Но в то же время количество инстанций действительно преувеличенно и необходимо сокращение их числа. Ясно, что этого можно на практике достигнуть лишь уничтожением двух традиционных наших инстанций—губернии и уезда—и сведением их к какой-то одной средней между ними, соответственно видоизменив и областное деление. Проект экономического районирования России, разработанный Госпланом в основном и целом можно приветствовать, как смелую попытку разрыва с нашим тяжелым и анархическим прошлым. Можно спорить о частностях, о построении отдельных районов, но в основном схема составлена правильно и дает самое главное: соответствие административного деления с экономическим укладом и сокращение числа инстанций. Проект, без сомнения, придется переработать и исправить с учетом национально-бытовых и политических моментов, недостаточно им учтенных, но за основу его принять можно и должно, если мы не желаем жертвовать старым традициям и чрезмерным националистическим притязаниям, гибкостью и правильностью построения всего нашего хозяйственного аппарата. Низшей ячейкой при новом делении

останется старая волость (если не считать села и деревни, как административно-хозяйственной единицы), притом в почти нетронутом виде. Это и понятно: весь уклад нашего сельского хозяйства не настолько еще изменился и сложился по новому, чтобы можно было производить коренные изменения и в этой ячейке; это уже задача более отдаленного будущего. Достаточно пока эти ячейки правильно связать с теми промышленными центрами и торговыми междоузлиями, к которым они естественно тяготеют. Это новой схемой в значительной мере достигается.

По схеме—район, округ, волость придется в дальнейшем, с постепенным упразднением, вернее, видоизменением губерний и уездов, располагать наши хозяйственно-управляющие и регулирующие органы, с сохранением на всех этих ступенях общехозяйственных регулирующих органов—экономсовещаний, оправдавших себя вполне на практике, независимо от тех ошибок и вредных уклонов, которые выявились в их работе. Излишними и искусственными являются, на наш взгляд, сельские и фабрично-заводские экономсовещания: здесь достаточно заводоуправления и сельсовета с соответствующим земельным органом (не говоря, конечно, об органах местного хозяйства).

Важнейшей организационно - административной задачей, стоящей перед СТО и Госпланом в отношении этих местных органов, является *установление правильной, постоянной деловой связи с областными и через них с губернскими и уездными экономсовещаниями и правильных взаимоотношений между этими органами по вертикали, а также между ними и соответствующими местными органами экономических Наркоматов по горизонтали*. В этой области, кроме Наказа ВЦИК'а, изданного летом 1921 г., ничего больше не сделано, если не считать тех ворохов в конечном счете испорченной бумаги, которые получились как результат бесполезного усердия областных и губернских экономсовещаний по выполнению этого наказа. Бесполезного потому, что заданные наказом вопросы не были далее разработаны статистически и представлены в виде сжатых деловых форм отчетности мест, потому еще что печатались эти отчеты в явно преувеличенном и раздутом виде, мало доступном широкому, читателю да и непосильном для специальных аппаратов по своей громоздкости и канцелярской сухости (взять хотя бы громадные томы отчета Киевского ГЭС'а), наконец, потому, что не было создано в центре живого аппарата, который следил бы за представлением этих отчетов, реагировал бы на затронутые там вопросы, обрабатывал бы соответствующим образом данные в них не бесполезные сами по себе цифры.

Вообще надо признать, что *система экономсовещаний* в их вертикальном развитии находится лишь в зачатке и мы пребываем в отношении дальнейшего ее развертывания в со-

стоянии какой-то нерешительности: усиливать и развивать ли дальше эту систему или свернуть ее вплоть до СТО и перейти к системе министерств. Нам кажется, что с этой нерешительностью пора покончить, если мы не на словах, а на деле хотим осуществлять систему государственного капитализма в такой обширной и в то же время экономически разнообразной стране, как Россия; если мы считаем, что минимальные условия для этого у нас имеются налицо, то необходимо сделать и дальнейнейшие выводы из этой посылки: надо итти не обратно к министерствам, *а вперед к единому хозяйственному центру* в лице СТО и системы экономсовещаний; в этих целях создать при СТО и Госплане, в первую голову, свой аппарат связи с областными экономсовещаниями и плановыми органами и т. д., созвать съезд или совещание областных, а может и губэкосо, выработать ясные и определенные формы отчетности их, формы и порядок выработки единого хозяйственного плана и т. д. и т. п. Все это, на наш взгляд, совершенно неотложные задачи, если мы в новый операционный год хотим войти с планом, сколько-нибудь разработанным при участии мест и обоснованным реальным опытом, а не одними канцелярскими справками и теоретическими измышлениями наших специалистов.

В связи с этим возникает вопрос о форме взаимоотношений между центром и областными экономсовещаниями. Приходится, по крайней мере, на первое время предостерегать от чрезмерного увлечения этими малоразвитыми еще органами. Не говоря о том, что они, подобно СТО, местами еще в большей мере, чем СТО, превращены в органы для разрешения вермишельных вопросов и покрытия коллегиальными решениями ответственности отдельных наркомов или их областных уполномоченных, что они также чрезвычайно слабо и без всякой системы связаны с губэкономсовещаниями и дальше с самой экономической базой своей, невозможно, даже при гораздо лучшем их состоянии и дальнейшем их развитии, сосредоточение в них ответственности за все областные органы экономических наркоматов, как этого добиваются некоторые работники в целях упрощения схемы взаимоотношений. Это может быть достигнуто лишь при высокой степени развития нашего хозяйственного плана и хозяйственного центра. Сейчас же такое сосредоточение всех органов в областном экономсовещании дало бы только нежелательный разрыв их с соответствующими центральными экономическими наркоматами, при чем определенно пострадало бы единство хозяйственного плана и общей экономической политики. Областное экономсовещание не в силах еще заменить собою и воплотить в себе полное руководство всей экономикой в пределах всего хозяйственного плана. Поэтому на длительный пока еще переходный период,—до укреплениями развития системы экономсовещаний, необходимо сохранить, кроме

соподчинения областных органов наркоматов областному экономсовещанию, их подчинение по вертикали своим центрам. Некоторые организационные шероховатости и трения, которые получаются из этого противоречивого в себе двойного подчинения этих органов, возмещаются полностью тем, что такая система дает на месте максимум проведения единой экономической политики Советской власти и ее общехозяйственного плана, хотя и с известными трениями между отдельными наркоматами на местах. Эти то трения и призваны в первую голову изживать экономсовещания. Дальше от них ожидается инициатива и организованный нажим в проведении различных хозяйственных кампаний, далее—систематический, плановый подход к охвату своего хозяйства во всех его частях, как в отношении составления, так и выполнения общего хозяйственного плана. Лишь на этой третьей ступени, при которой в значительной части будет уже завершен процесс поглощения отдельных хозяйственных наркоматов единым хозяйственным центром, мыслимо отмирание непосредственных связей местных органов наркоматов со своими центрами. До того такие попытки являются или организационным „прожекторством“ или сознательным стремлением к обособлению и замыканию хозяйства в областных пределах. Ни то, ни другое не допустимо.

XII. О съездах представителей промышленности, транспорта, торговли и пр.

Этот, на первый взгляд, узко-технический вопрос, при малейшем углублении в него, расширяется до пределов целой проблемы *о формах общественной связи огосударствленной промышленности, транспорта и т. д. с теми общественными классами, на которых основаны вся советская государственная система в целом и народное хозяйство советского государства в частности.*

Восстановление в новом, более широком виде прежних съездов представителей промышленности и транспорта [1]) и их выборных и исполнительных—советов, бюро и т. п. идет именно под знаком связывания объединений огосударствленной промышленности, транспорта, торговли и т. д. с обществом и придания им общественного выражения и функций.

---

[1]) Первые начинания в этой области исходят от крупнейших трестов Украинской Промышленности и УкрСНХ-в, если не считать проектов т. Ногина о Совете Синдикатов и первых попыток его осуществления, о которых нам недавно приходилось читать на столбцах печати (см. „Эк. Жизнь“ № 147, передовая).

В этой части явление это не ново: еще до образования Советов Народного Хозяйства и включения их в систему государственных органов, они строились в чисто общественном порядке, вырастая постепенно из фабрично-заводских комитетов и профсоюзов, путем выборов на производственных конференциях и съездах фабр.-зав. к-тов и делегатских собраний профсоюзов соответствующих бюро, правлений, президиумов и т. д. Высшим завершением этого начала явились Всероссийские Съезды СНХ-зов, созывавшиеся совместно с профсоюзами (объединившими в себе в дальнейшем ходе своего развития фабзавкомы, сделав их своими первичными ячейками). На этих Съездах организованный пролетариат выражал свое мнение о работе высших хозяйственных органов, намечал дальнейшую их работу и выбирал новый состав руководящих хозяйством органов. Между прочим, на III-м Всерос. Съезде СНХ-зов это выявилось со всей ясностью и завершенностью: Президиум ВСНХ был избран Съездом по предложенному Президиумом ВЦСПС списку, после чего уже утверждался Президиумом ВЦИК-а, получая тем самым права и функции органа государственной власти. Съезды эти имели всеобщее распространение и созывались, как во Всероссийском, так и в областном и губернском, даже кое-где уездном масштабе. К участию в них привлекались, кроме профсоюзов, еще кооперативные союзы, комитеты деревенской бедноты и др. под. организации. В лице их общество трудящихся имело особую линию строительства своих органов, параллельную общей линии советского строительства.

Естественно, что при дальнейшем развитии наших государственно-хозяйственных органов и оформлении и конституировании советской государственной системы, этот параллелизм не мог удержаться. Съезды эти должны были, все более и более теряя законодательные функции, отмереть вообще. Особенно этому содействовал переход к новой экономической политике, и вместе с тем обособление от государства профсоюзов, превращение их преимущественно в органы защиты интересов труда, притом, в частности—защиты труда против государственных хозяйственных органов; частично к этому приводило также постепенное сокращение функций Совета Народного Хозяйства и превращение его в Комиссариат Промышленности.

Однако, этот внешний, преимущественно формальный, а не фактический разрыв наших хозяйственных органов с профсоюзами и общее стремление к известному монизму в построении системы государственных органов, не могут совершенно устранить той основной причины, которая лежала в основе существования такой всеобщей и разветвленной организации, как Съезд СНХ-зов. Ясно, с одной стороны, что стремление наших хозяйственных органов к той или иной форме связи

с обществом трудящихся, к выявлению перед ним своих нужд и своих мнений, требований и т. д., должна найти в нем то самое выражение. Ясно, с другой стороны, что при этом не может быть и речи о придании этим органам законодательных или административных прав и функций; это лишь возродило бы прежний дуализм в построении системы регулирующих хозяйство органов, берущих свое начало от Съезда Советов, как высшего органа власти в стране.

Таким образованием и являются возрождаемые к жизни в новых условиях съезды представителей промышленности и транспорта, составляемые из представителей соответствующих промышленных и транспортных объединений (в дальнейшем имеется ввиду присоединение к ним коммерческих органов, или образование специальных съездов представителей органов внутренней и внешней торговли). Задачей их, по мысли их инициаторов, является выражение и оформление интересов промышленности и транспорта, отстаивание их перед соответствующими государственными органами, производство ряда статистико-экономических обследований в целях выяснения интересующих промышленных и транспортных работников проблем, согласование интересов отдельных объединений между собою и т. д. и т. п. Для текущего ведения этих дел выбирается съездом свой исполнительный орган—совет, который в промежутках между съездами представительствует промышленность и транспорт в тех или иных общественных или государственных органах.

С этой точки зрения образование этих съездов и советов можно лишь приветствовать. Советская власть построена на принципе широкой общественной самодеятельности и гласности, выявление своих интересов и своего опыта представителями наших хозяйственно-оперативных органов для дела может быть лишь полезно и ценно.

Но неприемлемыми для государства становятся эти органы при *обобщении и усилении в них тех центростремительных тенденций*, которые выявились за последнее время в целом ряде правлений и руководящих верхушек наших оперативных органов, с переводом их на самоокупаемость и вместе с тем на фактически частно-правовые начала. Попытки противопоставления этих съездов государству, обособление через них от государства в области регулирующих функций, напр., в деле регулирования цен (как это делает тот же Совет Синдикатов и автономных Трестов, о котором мы выше уже говорили), с „доведением“ о своих действиях в этой области лишь „до сведения“ соответствующих государственных органов; все подобные устремления к сепаратизму, автономности от государства к известному производственному синдикализму должны быть пресечены в корне и притом чем можно скорее.

Здесь компромиссы недопустимы: нашим хозяйственникам ни на минуту не следует забывать, что они отнюдь не являются владельцами вверенных им предприятий и хозяйств, а лишь *агентами-исполнителями воли единого владельца всего народного хозяйства—советского государства.* Извращение в корне представления о какой-то всеобщей денационализации промышленности, транспорта, земли, лесов и т. д., осуществляемой якобы Советскою властью путем децентрализации управления, ни, ни на чем реальном не основаны.

Поэтому всякая реставрации идеологии бывших съездов промышленности в части противопоставления своих интересов государству и организованной борьбы с последним на этой почве, должна быть решительно осуждена. Мало того, самое существование этих съездов должно быть поставлено в зависимость от того уклона, какой приобретает их деятельность на практике. Допускать организацию реакционных сил для борьбы с экономическими достижениями пролетариата не приходится ни в какой форме, даже в самой на вид безобидной.

Сказанное о съездах до известной степени может быть отнесено и к прочим выборного порядка оперативным органам: правлениям синдикатов, собраниям акционеров, правлениям и советам акционерных обществ, банков и т. д. Участвующие в этих организациях представители отдельных государственных предприятий не должны ни на минуту забывать, что в отличие от соответствующих капиталистических организаций, они в этих органах отнюдь не выражают и не должны выражать своей узко-собственнической точки зрения, а исключительно точку зрения, диктуемую государством, агентами которого они являются. Особенно важно это требование в смешанных обществах с участием частного капитала, где представителям государственного капитала приходится настойчиво и с величайшей солидарностью проводить единую линию, диктуемую интересами государства трудящихся. Малейший раскол в среде представителей государственного капитала, малейший уклон в сторону от правильной линии, может раздробить большинство государства и подчинить его интересы решениям меньшинства частного капитала.

Мы пока можем лишь выявить в целом это положение, не конкретизируя и не развивая его, поскольку на практике еще не выработались соответствующие формы и меры воздействия государства на своих агентов, стоящих во главе оперативных органов его. Нам ясно лишь одно, что тот стимул к солидарности, к единству действия и т. д., который раньше в подобных объединениях брал свое начало от стремления отдельных частных собственников к прибыли и наживе, ныне отпал и наши директора трестов, синдикатов и торгов персонально в выгоде государственного целого, заинтересованы не более, чем добросовестные советские чиновники и, в лучшем случае, чем не потерявшие связи с своей классовой организацией представители

класса трудящихся. Поэтому необходимо поставить и разрешить на практике одну из труднейших наших организационных задач: *найти те методы и формы государственного и общественного (классового) воздействия в порядке контроля администрирования и т. д. на исполнителей—агентов государства в области хозяйства, при помощи которых были бы в максимальной мере достижимы соблюдение интересов советского государства и через него интересов трудящихся классов страны и осуществление их устремлений к своим заветным целям.*

На этом мы закончим наши организационные наброски.

(Р. Ц. Москва) № 84. Тираж 1.000 экз.

Издание газеты „ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ“.